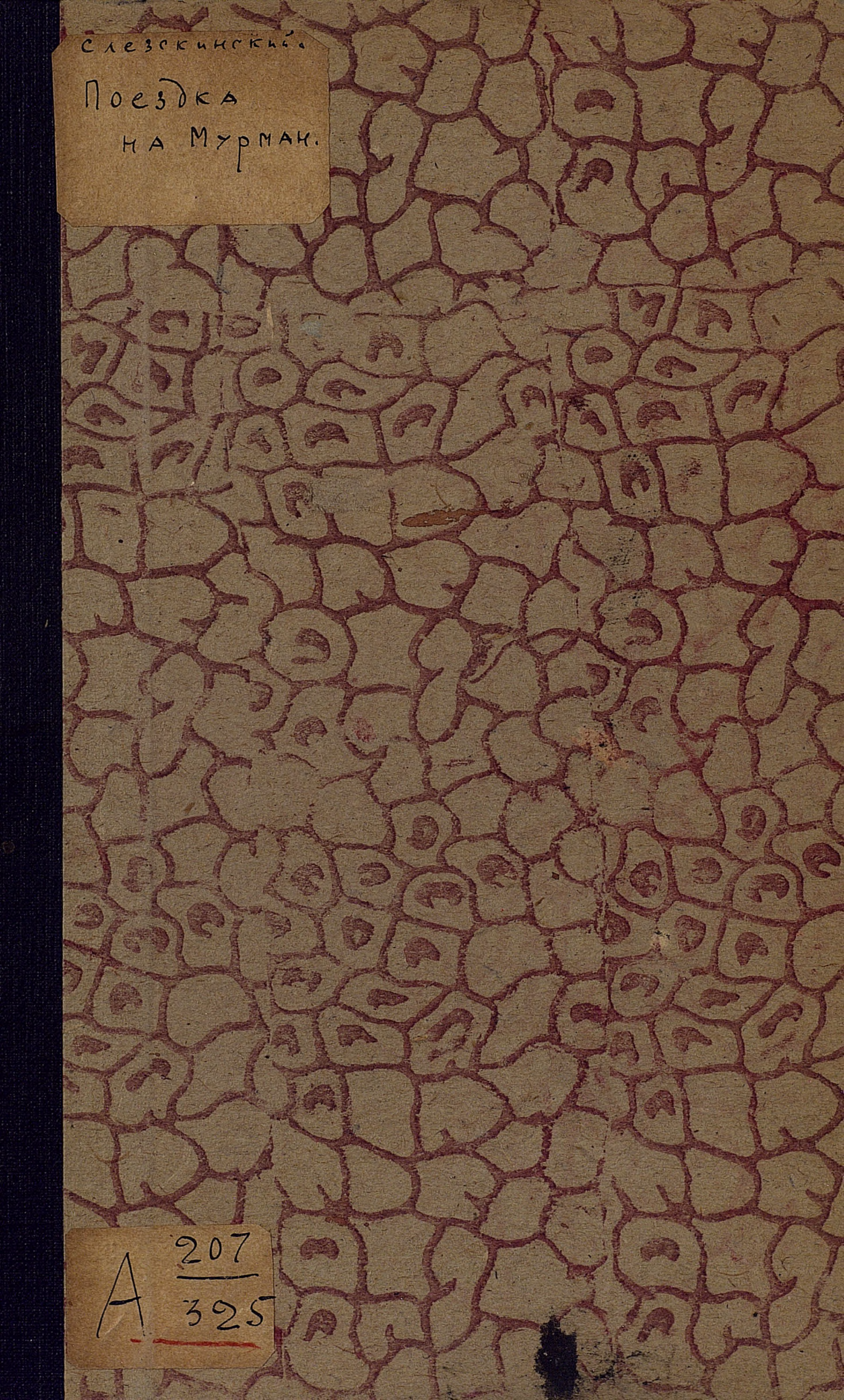

Слезскинский.
Поездка
на Мурман.
А 207/325

ПОѢЗДКА НА МУРМАНЪ

(ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ)

А. Г. СЛЕЗСКИНСКІЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., 13
1898

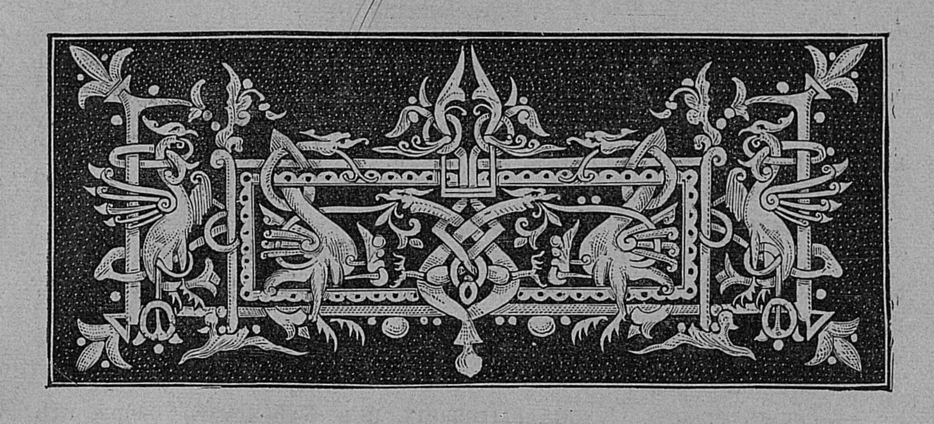
ПОѢЗДКА НА МУРМАНЪ

(ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ)

А. Г. СЛЕЗСКИНСКІЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., 13
1898

Дозволено цензурою, 31 марта 1898 г. С.-Петербургъ.



I.

ѢТОМЪ минувшаго года мнѣ пришлось, по порученію поморскаго комитета, побывать на Мурманѣ, на той сѣверной окраинѣ, которая въ послѣднее время стала обращать на себя вниманіе нашихъ правительственныхъ и общественныхъ сферъ.

Еще предъ выѣздомъ изъ Петербурга я начерталъ себѣ кружный путь, то-есть рѣшилъ ѣхать по желѣзной дорогѣ на городъ Вологду и вернуться водою.

Въ Вологду я пріѣхалъ 1-го іюля и на другой день отправился на пароходѣ «Кострома» въ Архангельскъ. Народу ѣхало такъ много, что нѣкоторымъ пассажирамъ было отказано въ продажѣ билетовъ. Первый классъ (10 мѣстъ) еще ранѣе телеграммою былъ абонированъ академической экспедиціей, ѣхавшей на Новую Землю для наблюденія, 28-го іюля, солнечнаго затменія. Я помѣстился во второмъ классѣ (18 мѣстъ), гдѣ больше находились богомольцы, ѣхавшіе по данному обѣту въ Соловецкій монастырь. Что же касается такъ называемой «палубной» публики, то она брала мѣста съ бою и гнѣздилась гдѣ попало.

Мы тронулись вечеромъ въ прекрасную погоду. Проѣхавъ 60 верстъ рѣкою Вологдой, пароходъ вступилъ въ рѣку Сухону, кото-

рой надо было плыть 463 версты до города Устюга, гдѣ Сухона сливается съ рѣкою Югомъ и образуетъ рѣку Сѣверную Двину.

На трапѣ одинъ изъ пассажировъ, хорошо знающій сѣверные водные пути, между прочимъ, замѣтилъ:

— Слава Богу, нынѣ полземъ безъ приключеній.

— Какія же возможны приключенія?—спросилъ я.

— А какже,—продолжалъ онъ,—сядете, какъ ракъ на мели, и извольте юлить нѣсколько часовъ. Но въ сей годъ удивительное лѣто, воды сколько угодно. Обыкновенно же бываетъ такое мелководье, что воду приходится поднимать искусственнымъ образомъ.

— Это какъ же?

— Очень просто. Сухона вытекаетъ изъ Кубенскаго озера, гдѣ устроенъ шлюзъ. Чрезъ каждые 5—6 дней воду изъ озера спускаютъ, и уровень рѣки поднимается. Однако и тогда трудно избѣжать посадокъ на мель, сплошь да рядомъ случается, что пароходъ тащится въ Архангельскъ не четверо сутокъ, какъ теперь, а цѣлую недѣлю и болѣе. Впрочемъ, нѣтъ худа безъ добра.

— А что?

— Да въ малую воду здѣсь стерлядка ловится хорошо. Ловятъ ее на переметы и сбываютъ промышленникамъ въ Тотьмѣ, а оттуда направляютъ въ Питеръ. Способъ лова, можно сказать, исключительный. Стерлядка попадается, за отсутствіемъ рыбака, на крючокъ и главное безъ наживки.

Я полюбопытствовалъ насчетъ способа, и незнакомецъ мнѣ сообщилъ слѣдующее:

— Переметъ—это толстая веревка, на которой въ извѣстномъ разстояніи привязываются крючки на подвѣскахъ, примѣрно въ аршинъ длиною, къ изгибу крючка на коротенькой волосяной лескѣ прикрѣпляется пробка. Когда переметъ лежитъ на днѣ, пробки тянутъ вверхъ и водятъ подвѣски. Стерлядка играетъ съ пробкой, бьетъ ее хвостомъ, трется, скачетъ и зацѣпляется крючкомъ. Попадаясь брюшкомъ, она повреждаетъ внутренности и скоро засыпаетъ; такая стерлядка цѣнится дешево—15 копеекъ штука. Если же будетъ поймана за хвостъ или хребетъ, то держится живою въ лодкахъ до осени и сбывается по 1—1 руб. 50 коп. за штуку.

Между тѣмъ, пароходъ привалилъ къ Тотьмѣ. Началось движеніе палубныхъ пассажировъ. Среди говора и шума доносились возгласы священника, служившаго на пристани молебенъ. На берегу пріѣзжую публику осаждали деревенскіе подростки, предлагая купить молоко, яйца и пр. Была объявлена стоянка около часа, поэтому я успѣлъ обойти всю небольшую Тотьму.

Городокъ живописно раскинулся на высокомъ берегу, онъ утопалъ въ зелени густыхъ садовъ и палисадниковъ. Благодаря высокому положенію и песчаному грунту, городъ не вязнетъ въ грязи, подобно многимъ нашимъ уѣзднымъ городамъ. Прямыя, чистыя улицы,

красиво выстроенные дома придавали городу живой и веселый видъ. Недалеко въ долинѣ красовался Спасо-Суморинскій монастырь, гдѣ покоятся мощи св. Ѳеодосія, тотемскаго уроженца, работавшаго, по преданію, на мѣстномъ солеваренномъ заводѣ. Мощи высоко чтутся православнымъ людомъ и привлекаютъ массу богомольцевъ, наравнѣ съ Соловками. Не безъ сожалѣнія я покинулъ этотъ уютный уголокъ. Едва пароходъ тронулся, публика на пристани заволновалась, прижалась къ периламъ. Удаляясь, мы слышали прощальные привѣты, добрыя пожеланія, и вдругъ среди нихъ раздался чей-то женскій голосъ: «ай, батюшки, кошелекъ вытащили!»

— Въ такой глуши и карманники,—сказалъ я какъ бы про себя.

— Ну, не скажите,—замѣтилъ мнѣ рядомъ стоящій господинъ.— Я Тотьму прекрасно знаю и убѣжденъ, что въ ней этой мерзости не водится. Вѣрнѣе, карманники сопровождаютъ насъ и пользуются сутолокой на пристаняхъ. Въ доказательство приведу фактъ. Въ мою прошлогоднюю поѣздку по службѣ вырѣзали карманъ у дамы, которая все время не сходила съ парохода и только разъ протѣснилась среди пассажировъ, чтобы подняться на трапъ. Скоро опять будетъ сутолока, пріѣдемъ въ Великій Устюгъ,—добавилъ пассажиръ.

Дѣйствительно, чрезъ короткое время, по множеству главъ и крестовъ, ярко блестѣвшихъ на солнцѣ еще издалека, мы узнали этотъ городъ.

Такимъ образомъ, проѣхавъ рѣку Сухону, можно сказать, что правый берегъ ея отлогій, поросъ мелкимъ ельникомъ, а лѣвый— высокій песчаный, съ лѣпящимися кое-гдѣ на краю деревьями; подмываемый теченіемъ, онъ имѣетъ во многихъ мѣстахъ furthermore оползни.

Въ общемъ, на Сухонѣ было какъ-то безжизненно, мертво — ни одного груженаго судна, ни одного лѣснаго плота; иногда, впрочемъ, по берегамъ промелькнутъ косари, убирающіе сѣно, или встрѣтится пароходъ, буксирующій вверхъ по рѣкѣ двѣ-три пустыя баржи.

Въ Устюгѣ пароходъ стоялъ почти цѣлый день. Я прошелся по городу, который показался мнѣ грязнымъ, соннымъ; строенія большею частью старыя, какъ-то некрасиво разбросаны. Изъ характерныхъ чертъ города слѣдуетъ отмѣтить, какъ сказано, большое число церквей.

Вступивъ въ Двину, мы вскорѣ завернули въ узенькую рѣчку.

— На этомъ мѣстѣ, господа, гдѣ мы теперь ѣдемъ,—объяснилъ намъ возвращавшійся домой архангельскій священникъ,—лѣтъ десять тому назадъ протекалъ маленькій ручеекъ. Съ каждымъ годомъ ручеекъ разливало да разливало, и нынѣ изъ него образовалась цѣлая рѣка Черная, длиною верстъ десять. Благодаря ей, пароходъ избѣгаетъ колѣна и экономитъ лишнихъ 30 верстъ.

Проѣхавъ Черную, мы привалили къ заштатному городу Красноборску. Послѣдній стоитъ высоко на горѣ, выглядитъ хмуро, печально, населеніе его бѣдное, исключительно мѣщанское, занимается земледѣліемъ и отчасти ловомъ стерляди.

Послѣ Красноборска стали попадаться косы—песчаныя отмели, лежащія поперекъ рѣки. Пароходъ хотя и не садился на мель, но тѣмъ не менѣе чрезъ косы шелъ тихо и непріятно царапалъ днищемъ по руслу.

Проѣзжая Двину, мы видѣли устья притоковъ ея — рѣкъ Вычегды, Ваги и Пинеги. Между послѣдними, въ одномъ мѣстѣ, верстъ на пятнадцать, тянутся алебастровые, бѣлые какъ снѣгъ, берега съ землянымъ наслоеніемъ, на которомъ растетъ густой кустарникъ.

Вообще берега Двины отлогіе, песчаные, кое-гдѣ покрыты лѣсомъ, а большею частью открываются не то луга, не то болота. Побережныя селенія встрѣчаются рѣдко. Пароходъ останавливался у селеній Ускорья, Березняка, Звоза, Усть-Пинеги, Котласа и спускалъ пассажировъ-крестьянъ, возвращавшихся, вѣроятно, съ работъ изъ внутреннихъ губерній.

Въ с. Котласѣ вышелъ инженеръ, который мнѣ разсказывалъ въ пути, что онъ ѣдетъ строить котласскій участокъ великой сибирской желѣзной дороги. Она пойдетъ, какъ извѣстно, изъ Сибири на Пермь, протянется отсюда около 900 верстъ и упрется въ Котласъ. Въ селѣ предполагаютъ построить большіе хлѣбные магазины, гдѣ будетъ сохраняться мука отъ зимней доставки, а съ открытіемъ навигаціи она можетъ быть сплавлена на судахъ въ Архангельскъ.

Кругомъ на Двинѣ ни движенія, ни звука, если не считать кулика, который изрѣдка пролетитъ надъ головой и крикнетъ пискливо.

Утромъ, на пятыя сутки, мы пріѣхали въ Архангельскъ, проплывъ на пароходѣ слишкомъ 1.100 верстъ. Городъ спалъ подъ пасмурнымъ небомъ и казался какъ бы вымершимъ.

II.

Въ Архангельскѣ я пробылъ шесть дней. Городъ большой и, какъ центръ сѣверной торговли, населенъ богатыми людьми. Прежде въ Архангельскѣ селились голландцы и нѣмцы. Эти иноземцы страшно эксплоатировали наши сѣверныя окраины въ отношеніи отпуска лѣса за границу и быстро богатѣли, оставляя своимъ наслѣдникамъ крупныя состоянія. Нынѣ потомки гг. Шольцевъ, Линдесовъ, Фонтейнесовъ, предаваясь праздности, живутъ, какъ говорится, всласть; имѣютъ капиталы, ѣздятъ на рысакахъ, задаютъ вечера, балы; ихъ богатые дома составляютъ самую лучшую часть города, именуемую «Нѣмецкой слободой». Тотъ конецъ города, который приходится ближе къ морю, называется «Солонбалой». По поводу этого названія существуетъ такой анекдотъ. Однажды жившіе тамъ купцы пригласили къ себѣ на балъ Петра Великаго. Правда, государь почтилъ балъ своимъ посѣщеніемъ, но очень короткимъ, такъ какъ балъ почему-то ему не понравился. Скорое отбытіе Петра купцы сочли за немилость и о причинахъ ея поинтересовались узнать

отъ самого царя. Послѣдній, не долго думая, категорически отвѣтилъ: «солонъ балъ». Вотъ изъ этихъ двухъ словъ, будто бы, и составилось имя приморской стороны города. По красотѣ Архангельскъ одинъ изъ лучшихъ русскихъ городовъ. Улицы широкія, прямыя, чистыя, съ деревянными троттуарами. Однако, нельзя не поставить въ упрекъ архангельцамъ одного: они забыли своего земляка, великаго русскаго ученаго, М. В. Ломоносова. Дѣло въ томъ, что противъ присутственныхъ зданій поставленъ этому ученому памятникъ, пришедшій, къ сожалѣнію, въ большое запустѣніе. Памятникъ поросъ мхомъ, зеленоватыми лишаями и заглохъ травою. Когда же я былъ въ Архангельскѣ въ прошлую зиму, то замѣтилъ, что монументъ не только не освѣщался (фонари есть), но даже былъ заваленъ снѣгомъ. Никому не приходило въ голову хотя бы отрыть снѣгъ настолько, чтобы было можно приблизиться къ рѣшеткѣ; надо было смотрѣть на памятникъ издалека, съ дороги. Дома въ городѣ большіе, красивой архитектуры и, за обиліемъ и дешевизной лѣса, преимущественно деревянные. Городъ стоитъ на рыхлой почвѣ, поэтому каменные фундаменты здѣсь не въ употребленіи, а вбиваютъ для основанія сотни свай и воздвигаютъ строенія. Особенность арган-гельскихъ домовъ та, что строятся они въ размѣрахъ для двухъ этажей, а на самомъ дѣлѣ бываетъ одинъ, съ высокими окнами. Впрочемъ есть и нижнее помѣщеніе, но оно напоминаетъ подъизбицы; тамъ хранятся разные припасы. Вентилируются дома также оригинально: просто въ стѣнахъ сверлятся, діаметромъ въ 2—3 вершка, дыры и затыкаются деревянными пробками.

Общественная жизнь въ Архангельскѣ лѣтомъ какъ-то замираетъ и начинаетъ проявляться съ осени. Въ теченіе сентября оживляетъ городъ бойкая Маргаритенская ярмарка. Тогда къ берегамъ Двины приплываютъ изъ Норвегіи и съ Мурмана сотни судовъ, совершаются сдѣлки на соленую и сушеную рыбу съ внутренними рынками. Въ то время лавки, кабаки, трактиры торгуютъ на славу.

Въ недалекомъ будущемъ Архангельскъ ожидаетъ еще большее оживленіе; къ нему проводится изъ Вологды желѣзная дорога. Объ этой дорогѣ я слышалъ не мало курьезовъ и подчасъ даже анекдотическаго характера. Дорога будетъ проложена по кратчайшей линіи между двумя точками, пройдетъ по тундровымъ болотамъ и не коснется не только городовъ, но даже селеній. Я бесѣдовалъ съ однимъ изъ строителей дороги.

— Наше общество, ведя дорогу прямолинейно, жестоко ошиблось,—говорилъ онъ. — Просило двѣ дополнительныхъ ассигновки отъ правительства и получило, да, пожалуй, и еще потребуется сумма. Много, видите ли, болотъ и довольно глубокихъ. На первыхъ же порахъ засыпали одно болото, а чрезъ 10—15 дней засыпки какъ не бывало. Въ 60-ти верстахъ отъ Вологды встрѣтили такую топь, что вбивали сваи и наращивали 4 бревна по 10 саженъ.

Несомнѣнно, эта дорога станетъ обществу въ копеечку. А тутъ еще пугаютъ новой бѣдой.

— Какой же именно?

— Наше общество разсчитываетъ больше всего на движеніе грузовъ, а говорятъ, что въ этомъ отношеніи ему подставитъ ногу Пермь-Котласская дорога. Конечно, наша дорога, стòящая большихъ денегъ, не въ состояніи будетъ понизить тарифъ въ сравненіи съ сибирской и въ этомъ направленіи потеряетъ много прибыли.

— Правда ли, что общество хотѣло передать дорогу въ казну?

— Не знаю, но думаю, что въ рукахъ общества она пробудетъ недолго. Трудно эксплоатировать такую дорогу частнымъ предпринимателямъ.

Относительно прокладки дороги одинъ чиновникъ сообщилъ мнѣ нѣчто болѣе интересное.

— Ну, ужъ и дорожку же ведутъ къ намъ господа инженеры—ахтительную,—говорилъ онъ.—Представьте, хотѣли забить сваями бездонное болото.

— Это какъ же?

— Смѣшно, знаете ли. Вколотили на тундрѣ наращенныя сваи, а онѣ взяли да и вынырнули на озеркѣ, лежащемъ въ 15 верстахъ. Попали, значитъ, на подземную воду. Пошли въ обходъ, забрались въ казенный лѣсъ, а ихъ тамъ и накрыли. Теперь извольте тягаться съ казною—дѣло нешуточное.

— Дорога небезопасная.

— Конечно. Ведутъ, не разбирая грунта, лишь бы была короче да подешевле. Впрочемъ, не строителямъ кости-то ломать.

Я согласился съ этимъ.

— Вотъ тоже насчетъ вокзала...

— Опять неладно?

— Хуже. Архангельскій вокзалъ предполагаютъ поставить на противоположномъ берегу, гдѣ сел. Рикасиха. Это разстояніе будетъ чрезъ Двину въ 14 верстъ. Лѣтомъ и зимою большихъ неудобствъ не будетъ—безспорно, но весною, когда начнется ледоплавъ, и сиди пассажиръ на томъ берегу недѣли.

— Отчего не построить вокзалъ на городскомъ берегу?

— Соблюдаютъ свои интересы. Если построить его на нашей сторонѣ, то близъ Архангельска чрезъ Двину мостъ невозможенъ, а надо линію перебросить гдѣ нибудь въ верховьяхъ и вести ее по правому берегу, а тамъ, какъ говорятъ, потребуется не одинъ мостъ и, слѣдовательно, неизбѣжны лишнія затраты. Такъ дѣло и не сходится.

Кромѣ того, мнѣ разсказывали, какую штуку выкинуло желѣзнодорожное общество съ рабочими. Послѣдніе были вызваны изъ центральныхъ губерній на выгодныхъ для нихъ условіяхъ, но на мѣстѣ плату имъ понизили до минимума и кормить стали скверно, несмотря

на то, что работать, сверхъ ожиданія, приходилось въ постоянной сырости. Такое положеніе рабочихъ привело къ тому, что они забастовали и цѣлою артелью пришли въ Архангельскъ къ губернатору съ жалобою на общество. Это было лѣтомъ въ 1895 году. По словамъ архангельцевъ, рабочіе съ утра до ночи толпились у губернаторскаго дома, взывая о своемъ горѣ; потомъ голодные въ рубищахъ валялись отъ истощенія на берегу, выпрашивая у прохожихъ милостыню. Иные жители, чуткіе къ людской нуждѣ, приносили имъ хлѣба и платье. Благодаря губернатору, несчастные отхожники, обольщенные мнимою выгодою, были удовлетворены.

12-го іюля, я выѣхалъ изъ Архангельска на товаро-пассажирскомъ пароходѣ «Николай II», который ходитъ въ Вардэ и обратно.

Въ первомъ классѣ, кромѣ меня, было два—три мурманскихъ факториста, нѣсколько чиновниковъ и докторъ изъ генераловъ, обладавшій буквально кубической фигурой. Сначала мы прошли 45 верстъ по устью Двины, мимо плавучаго маяка, затѣмъ направились вдоль такъ называемаго «зимняго» берега и отъ него стали перерѣзать самое узкое мѣсто Бѣлаго моря, подвигаясь къ Терскому берегу [1]). Надъ горизонтомъ раскаленнымъ ядромъ висѣло полуночное солнце и болѣе уже не опускалось, а, напротивъ, готовилось къ восхожденію. Одинъ изъ фактористовъ, видимо хорошо знающій сѣверный край, обратилъ мое вниманіе на уклоненіе парохода отъ берега и замѣтилъ:

— Теперь мы ѣдемъ чрезъ морское «горло», довольно опасное для плаванія. Опаснымъ оно считается споконъ вѣковъ, а въ 1894 г. еще разъ подтвердилась его грозность.

— Несчастіе было?

— Большое бѣдствіе. Случилось это въ сентябрѣ, и именно въ то время, когда суда шли на Маргаритенскую ярмарку въ Архангельскъ. Налетѣвшій шквалъ со снѣгомъ засталъ суда въ «горлѣ» и такъ тряхнулъ немилосердно, что около тридцати ихъ разбило въ щепки, погибли нѣкоторые хозяева, а также не мало матросовъ. Послѣ поморы, оставшіеся дома, отыскивали по берегамъ клочья одежды и куски разбитыхъ о скалы тѣлъ; по нимъ признавали своихъ родственниковъ и горько оплакивали. Этотъ штормъ лишилъ куска хлѣба болѣе двадцати семействъ, но рука дающаго не оскудѣваетъ. Теперь, благодаря денежнымъ пожертвованіямъ, сироты обезпечены до совершеннолѣтняго возроста.

— Неужели погибли всѣ суда безъ исключенія?

— Нѣтъ, не всѣ. Спаслись только тѣ, которыя измѣнили курсъ къ берегу и ихъ выбросило на сушу. Въ числѣ такихъ судовъ было и мое. Капитанъ направилъ судно къ ближайшему берегу, и оно очутилось на скалахъ безъ мачтъ, парусовъ, съ громадными про-

---

[1]) Сѣверный Бѣлаго моря.

боинами, но главное экипажъ остался въ живыхъ, хотя натерпѣлся не мало ужасовъ.

— Откуда шли эти суда?

— Одни шли съ Мурмана, груженныя рыбой отъ тамошнихъ улововъ, другія—изъ Норвегіи, куда они возятъ архангельскій хлѣбъ, продаютъ его тамъ, покупаютъ рыбу и везутъ обратно на ярмарку, или просто обмѣниваютъ муку на рыбу.

— И большихъ размѣровъ торговое мореходство?

— А вы ѣдете на Мурманъ?—вдругъ спросилъ меня фактористъ.

Я далъ утвердительный отвѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ говорить о торговлѣ на русскомъ берегу вамъ нечего—сами узнаете. Вотъ скажу о нашихъ судахъ, ходящихъ за границу. Есть много мореходныхъ судовъ въ селеніяхъ по «зимнему» берегу, что лежитъ вправо отъ Архангельска. Затѣмъ, влѣво, начиная отъ г. Онеги и кончая г. Кемью, имѣется въ побережныхъ селеніяхъ также не мало судовъ, словомъ, насчитывается ихъ не менѣе четырехъ сотъ. Всѣ суда строятся въ своемъ же поморьѣ изъ мѣстнаго лѣса; строятся прочно и снабжаются хорошимъ такелажемъ. По вооруженію и по самому устройству бѣломорскія суда больше относятся къ типу шкунъ. Каждое судно имѣетъ свое названіе, но преимущественно плаваютъ подъ покровительствомъ св. Николая.

— А стоимость всѣхъ судовъ и количество привозимой рыбы вамъ неизвѣстны?

— Считали какъ-то и оцѣнили всю флотилію въ одинъ милліонъ. Рыбы же ежегодно продается на архангельскихъ рынкахъ около милліона пудовъ.

Изъ дальнѣйшей бесѣды я узналъ, что бѣломорское населеніе, помимо мореходства, зарабатываетъ хлѣбъ отъ сельдяного, семужьяго, тюленьяго, наважьяго и лѣсного промысловъ, а главнымъ образомъ уходитъ на Мурманъ и тамъ занимается ловомъ трески. Съ мурманскимъ тресковымъ промысломъ я ознакомился лично и скажу о немъ впослѣдствіи. Другіе же ничего особеннаго изъ себя не представляютъ, за исключеніемъ тюленьяго, который изобличаетъ въ поморѣ такую отважность, что даже вѣрить трудно. Весною въ горло моря приплываютъ на льдинахъ тюлени изъ полярныхъ странъ и самка дѣлаетъ «лежку», т. е. выбрасываетъ на ледъ дѣтенышей и воспитываетъ ихъ слишкомъ мѣсяцъ, а затѣмъ, подъ именемъ «кожи», старые и молодые тюлени направляются вдоль мурманскаго берега, поворачиваютъ у Норвегіи и скрываются къ полюсу. Въ этотъ періодъ времени на «зимнемъ» и терскомъ берегахъ крестьяне составляютъ артели въ 5—6 человѣкъ, забираютъ карбасы съ полозьями, продовольствіе и идутъ къ берегу. Тутъ поморы отыскиваютъ болѣе крѣпкій, плотный ледъ и ступаютъ по немъ до самаго края, затѣмъ пешнями откалываютъ льдину и пускаются въ море

по волѣ вѣтра. Льдина носится въ водномъ пространствѣ по нѣсколько сутокъ. Поморы разводятъ на ней огонь, грѣются, приготовляютъ пищу и тутъ же спятъ у костра. Плавая, такимъ образомъ, на льдинѣ, промышленники сталкиваются съ другою льдиною, на которой лежатъ тюлени. Послѣдніе кажутся черными пятнами, въ которыя и пускаются пули. Иногда льдина долго носится въ морѣ, и поморы за недостаткомъ пищи и топлива коченѣютъ, ѣдятъ сырую тюленину. Лѣтъ пять тому назадъ отплыла отъ с. Золотицы артель тюленьщиковъ; промыселъ былъ неудачный, плавали нѣсколько недѣль и, наконецъ, прибило ихъ къ терскому берегу. Отсюда обезсиленные, истощенные промышленники, добираясь домой, обогнули пѣшкомъ все Бѣлое море. Въ большинствѣ случаевъ поморы приплываютъ къ своему берегу съ хорошею добычею. Иной разъ они возвращаются скоро, привозятъ сотни пудовъ сала и десятки шкуръ. Случается, поморы встрѣчаютъ такую массу тюленей, что издали льдина кажется какъ бы покрытою толстымъ слоемъ земли, а вблизи оказывается, что это лежатъ на ней сплошь тюлени. Тогда уже ихъ не стрѣляютъ, а просто убиваютъ палками, ударяя по головѣ, которая въ это время такъ нѣжна, что тюлень издыхаетъ отъ незначительнаго удара. Сало завертывается въ шкуру и продается все вмѣстѣ 1 р. 50 к.—2 р. за пудъ.

Пришли къ св. Носу, откуда считается начало Ледовитаго океана. На полуостровѣ поставленъ маякъ, благодѣтельный для мореплавателей, направляющихся къ Архангельску.

Дальше потянулся однообразный, мрачный мурманскій берегъ. Это сплошной каменистый утесъ, нерѣдко прерываемый бухтами различныхъ широтъ. Утесъ состоитъ изъ гранита, желѣзняка, кварца и, конечно, лишенъ всякой растительности; покрытъ зеленовато-сѣрыми лишаями и отчасти торфянымъ мхомъ. Встрѣчаются также овраги, въ которыхъ лежитъ вѣчный снѣгъ, подернутый пылью, какъ сѣроватою вуалью. Мурманскій берегъ къ западу постепенно возвышается и достигаетъ въ иныхъ мѣстахъ до 600 фут. надъ уровнемъ моря.

Въ тѣхъ бухтахъ, гдѣ берега песчаные и способствуютъ человѣку укрываться отъ бурь и всякихъ невзгодъ природы, въ особенности, гдѣ есть источникъ прѣсной воды, ютятся колоніи съ постоянными жителями и временныя становища пришлыхъ рыбаковъ.

Первой колоніей со становищемъ была на пути Лица. Она расположена въ самой губѣ, отчасти по устью р. Лицы. На правомъ берегу стоитъ колонія, а на лѣвомъ—становище. Въ колоніи шесть бревенчатыхъ избъ, довольно прочныхъ и уютныхъ. Я вошелъ въ одну изъ нихъ и заговорилъ о промышленныхъ и бытовыхъ дѣлахъ съ колонистомъ Рѣдькинымъ, который впервые пришелъ сюда изъ Кемскаго уѣзда пятнадцать лѣтъ тому назадъ.

— Что заставило тебя поселиться здѣсь?

— Нужда, баринъ, истинно нужда. Жилъ я въ селѣ Кандалакшѣ. По мѣстности тамъ хорошо: лѣтомъ тепло, зелено, красиво; были луга, держалъ скотину, огородъ имѣлъ. На родинѣ я промышлялъ селедкой и могъ кормить семью, но въ послѣдніе годы сельдь стала ловиться неприбыльно—меньше и мельче. Дошло до того, что на хлѣбъ не сбиться. Свелъ со двора овецъ, корову, да не надолго хватило денегъ. Пошелъ въ работникахъ на Мурманъ ловить рыбу и заработалъ хорошо. А на другой годъ и подумалъ: буду промышлять на Мурманѣ больше, казна деньгами ссужаетъ колонистовъ, такъ и скотиной обзаведусь, ребята безъ молока не останутся. Полюбовалось мнѣ здѣсь, и рѣшился на постоянное житье.

— Какъ же, съ семьей добрался?

— Продалъ на родинѣ имущество, домъ, получилъ сорокъ рублей и поѣхалъ. Путь былъ тяжелый, нечего сказать, потому продовольствіе купи и за дорогу на пароходѣ заплати. Да, и послѣ несладко было.

— Но вѣдь ты пособіе получилъ и поправился?

— Оно точно получилъ, но когда. Ежели-бъ выдавали его въ деревнѣ, а то я жилъ здѣсь два года въ землянкѣ. Долго тянулось это самое пособіе и еле ужъ хату оборудовалъ.

— А какъ здѣсь строятся?

— По близости берега прута нѣтъ; развѣ только по рѣчкамъ кое-какая мелкота ростетъ. Колонисты покупаютъ избы срубленными въ архангельскихъ лѣсахъ и привозятъ на пароходахъ. Наша изба на мѣстѣ цѣнится въ 150 — 200 рублей, да поставить ее на Мурманѣ чего стоитъ.

— Развѣ дорого?

— Судите сами. Срубить бревно въ 3 саж. и погрузить на пароходъ можно за 50 коп., а представить его въ Лицу пароходное общество беретъ 1 рубль. Дощечка на заводѣ стоитъ 30 коп., а намъ она обходится въ 70 коп. Опять же насчетъ дровъ. Въ Архангельскѣ дрова ни почемъ, а на Мурманѣ онѣ по 6 — 7 рублей сажень. Значитъ, мурманскимъ колонистамъ и приходится говорить: за моремъ телушка—полушка, да перевозъ рубль.

— Хлѣбъ покупаете тоже въ городѣ?

— Нѣтъ, невыгодно. Его привозятъ въ колонію фактористы на судахъ и продаютъ по 7—7 р. 50 к. куль. Купить же самимъ въ Архангельскѣ да пароходомъ привезти обойдется дороже.

— А скотоводство у васъ, чай, скудное?

— Скотинка у насъ что ни на есть жалостная. Съ полсотни овецъ и олешекъ, а изъ коровъ только одна, да и ту на вашъ пароходъ грузить будутъ для продажи въ Норвегіи. Луговъ здѣсь нѣтъ, сѣно косимъ въ ложбинахъ, кто сколько успѣетъ, безъ всякаго надѣла. Только и хватаетъ для овечекъ. Олешки лѣтомъ пасутся въ тундрѣ и пригоняются домой, когда на пастьбѣ одолѣ-

вать станутъ комары. Съ хозяйствомъ тутъ горе. На счетъ огородной овощи и подумать не смѣй, потому камень голый, да и стужа держится долго. Вотъ олешекъ разводить можно знатно, но мы, крестьяне, къ дѣлу этому не привычны, и ежели дворъ имѣетъ 3—4 штуки, то для своего обихода — совичокъ [1]) сшить, али тамъ пимы [2]).

— Весь заработокъ заключается, конечно, въ рыбныхъ ловляхъ?

— Надо думать. Безъ рыбы какое житье. У каждой семьи есть свой карбасъ, рыболовныя снасти. Часть улововъ продаемъ на суда пріѣзжимъ купцамъ и покупаемъ хлѣбъ, потомъ солимъ и сушимъ для себя на всю зиму, такъ и живемъ.

— Что дѣлаютъ колонисты зимою?

— Бабы скотинку присматриваютъ, ребятишекъ блюдутъ, обѣдъ и ужинъ справляютъ; мы, мужики, ѣздимъ за сѣномъ на олешкахъ; иной разъ прокатимся 27 верстъ до сосѣдней колоніи Харловки, а не то и дальше. Больше на нарахъ да на печкѣ валяешься.

— Вы бы занялись какимъ нибудь ремесломъ?

— На родинѣ я былъ хорошимъ бондаремъ, сельдяные боченки собиралъ. И здѣсь бы хорошо заняться этимъ дѣломъ, да лѣсъ доставить дорого, а боченкамъ цѣна извѣстная, на матеріалъ не выручишь.

Далѣе изъ словъ Рѣдькина я узналъ, что колонисты всѣ неграмотные, да и заносить грамоту сюда некому. Не заносятъ ее даже и нижніе чины, потому что колонисты освобождены отъ военной службы. Религіозныя требы исполняются священникомъ, который наѣзжаетъ разъ въ годъ и преимущественно лѣтомъ на пароходѣ.

Съ 1-го апрѣля по 20-е мая продолжается весна, это пора небольшихъ тумановъ и прилета птицъ, въ особенности чаекъ. До 10-го іюля стоитъ лѣто. Въ этотъ періодъ времени солнце не сходитъ уже съ горизонта, снѣгъ исчезаетъ, выходятъ грибы, поспѣваетъ морошка, черника. По 1-е октября считается осень. Тогда часто льютъ проливные дожди; туманы бываютъ до того сильные, что положительно застилаютъ все окружающее пространство, и не видно предметовъ въ самомъ близкомъ разстояніи. Сѣверные вѣтры разводятъ страшные штормы. Въ остальное время выпадаютъ глубокіе снѣга и покрываютъ землю слоемъ въ 3—4 аршина. Вьюги и мятели гуляютъ на свободѣ и часто сбиваютъ путника съ дороги. Зимою солнце совсѣмъ не показывается, и въ сутки свѣтъ стоитъ, да и то слабый, около двухъ часовъ. За то въ морозные дни бываютъ «сполохи» (сѣверное сіяніе), при которыхъ можно хорошо распознавать мелкіе предметы. Температура тепла достигаетъ 20° R., а холода 15° R.; однако холода стоятъ упорно и продолжительно.

---

[1]) Оленья рубаха.

[2]) Оленьи сапоги.

Я переѣхалъ рѣчку и поднялся по крутому берегу, гдѣ лѣпились убогіе станы пришлыхъ поморовъ. Станы построены изъ толстыхъ досокъ, на живую нитку, безъ всякаго соблюденія прямыхъ проходовъ: одни стоятъ лицомъ къ лицу, другіе бокомъ, третьи отвернулись другъ отъ друга. Запахъ отъ тресковыхъ головъ, сложенныхъ кострами и просыхающихъ на солнцѣ, отвратительно бьетъ въ носъ. Въ становищѣ царила тишина, точно въ необитаемыхъ жилищахъ, у берега не было видно ни промышленнаго карбаса, ни шняки. Около одного стана я увидѣлъ старика, который осматривалъ веревки и крючки, видимо, дѣлая ревизію рыболовнымъ снастямъ. Подойдя къ старику, я вступилъ съ нимъ въ разговоръ.

— Должно быть, рыбаки на промыслѣ?

— Всѣ тамъ, въ голымени,—указалъ старикъ въ сторону моря.

Насъ живо окружили мальчики, въ возростѣ 10—15 лѣтъ, именуемые зуйками, въ сравненіе съ маленькой птичкой зуйкомъ. Грязная засаленная дѣтвора смотрѣла на меня сосредоточенно, ихъ лица выражали не то испугъ, не то удивленіе. Зуйки — это неотъемлемая принадлежность каждаго становища. Мальчики послѣ лова отвиваютъ тюки, то-есть освобождаютъ короткую веревку съ крючкомъ, которая винтообразно закручивается вокругъ снасти, когда послѣдняя бываетъ въ дѣлѣ.

— Ты, дѣдушка, кто же будешь здѣсь?

— Я-то? А вотъ на старости лѣтъ справляю суево дѣло. Допрежъ, когда была силушка, хаживалъ и я въ море съ полсотни годовъ. Болѣ-то я тутъ смотракомъ состою.

— Это что значитъ — смотракъ?

— Видишь ли, море мною на своемъ вѣку извѣдано доподлинно. Я, къ примѣру, огляну кругомъ небо и скажу: ребята сегодня не выметывай ярусовъ, потому завтра задуетъ сѣверикъ, сгонитъ съ мѣста, и снасти утеряете. А то иное: ребята, повремените до утра, сегодня повечеру туманъ падетъ.

— Сколько въ этомъ становищѣ рыбаковъ и судовъ?

— Хозяевъ десятка два наберется, да работниковъ подручниковъ, почитай, сотня будетъ. На счетъ посудинъ [1]) скажу, здѣсь больше промышляютъ на карбасахъ и одно лѣто, потому посудина эта небольшая. Вотъ, скажемъ, шняка-та больше и ходитъ въ море съ весны по осень.

— Почему на карбасахъ промышляюъ только лѣтомъ?

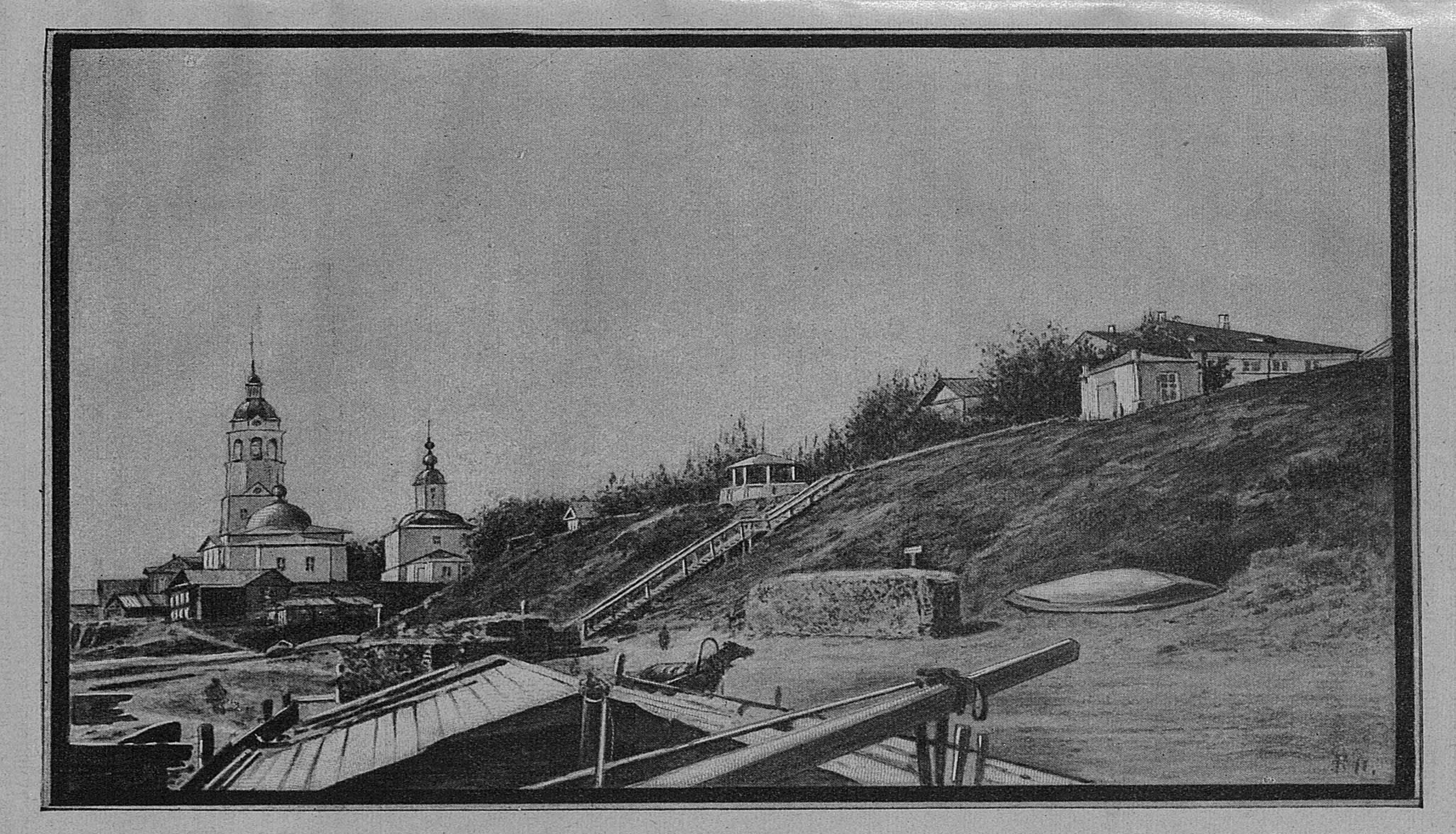
— Въ эту пору море тише, а на карбасѣ далеко отъ берега не уѣдешь, — боязно на маленькой посудинѣ забираться въ голымень.

— Какъ вамъ вообще здѣсь живется?

— Мы живемъ нелюбопытно. Ты поспрошай дальше, въ Гаври-

---

[1]) Промысловое судно.



Городъ Тотьма.

ловѣ, али въ Териберкѣ; промышленнаго народу тамъ много, ну, и житье бываетъ всякое.

Я сообщилъ старику, что въ этихъ колоніяхъ намѣренъ не только побывать, но и прожить нѣсколько дней.

— Поживши да приглядѣвши въ тамошней жизни, можно знать, какая такая доля рыбацкая.

Старикъ снова сталъ распутывать снасти и низко опустилъ голову, какъ бы желая этимъ дать понять, что доля рыбака далеко незавидная.

Я вернулся на пароходъ и поѣхалъ въ сосѣднюю колонію Харловку. Она стоитъ, какъ и первая, при рѣчкѣ вмѣстѣ со становищемъ. Гдѣ станы, тамъ берегъ низкій, усыпанный мелкими камняли. Противоположный гораздо выше, песчаный, покрытъ жидкою травой, на немъ высятся только двѣ избы, которыя и составляютъ всю колонію. Въ избахъ я нашелъ однѣхъ женщинъ, а мужчины были на промыслѣ. Колонистки, стѣсняясь моимъ присутствіемъ, на вопросы отвѣчали неохотно. Отъ нихъ я, между прочимъ, узналъ, что Харловка возникла два года назадъ; въ ней проживаетъ шесть работниковъ, и всѣ промышляютъ, конечно, рыбой.

— Другихъ промысловъ у васъ нѣтъ?

— Можно было бы и на звѣря ходить, — отвѣчала колонистка постарше. — Вонъ, зимою, лисицы рыскаютъ подъ самыми окнами. Мужики ладили ловушки, да лисица хитрущая, нейдетъ. Говорили, стрѣлять ихъ сподручно, а гдѣ у насъ ружья и припасы? Такъ добыча и уходитъ изъ рукъ

— А нужду въ чемъ либо имѣете еще?

— Вѣдь мы поселились тутъ недавно. Пока ничего, а напередъ, что Богъ дастъ. Думаемъ, что на счетъ топлива будетъ тяжело. Привозныя дрова въ большой цѣнѣ, а лѣсовъ близъ нѣтъ. Въ прошлую зиму по берегамъ рѣчекъ рубили кустарникъ и имъ отапливали избы.

Затѣмъ я былъ въ харловскомъ становищѣ, которое ничего отличительнаго не имѣетъ ни по внѣшности, ни по количеству рыбаковъ и судовъ.

Слѣдующія колонія и становище Рында лежали въ 30-ти верстахъ.

Когда мы стали на рейдъ, то было видно, что колонія и становище расположились въ глубинѣ губы Рынды, которая сначала вдается нѣсколько прямо, а потомъ поворачиваетъ направо, давая такимъ образомъ возможность поселенію скрываться за морскимъ берегомъ отъ злыхъ вѣтровъ. Станы ютятся у самаго берега, а колонистскія избы немного выше. Въ сравненіи съ гигантскими скалами, строенія выглядѣли мизерными, какими-то игрушечными. Тамъ живутъ и трудятся люди, за нихъ становится жутко, и невольно думается, какъ они могутъ выносить жизнь въ такой природѣ, бокъ-о-бокъ съ вѣчно бушующимъ океаномъ.

Въ Рындѣ я сначала былъ въ становищѣ, а потомъ поднялся въ колонію и бесѣдовалъ съ колонистами. Станы убогіе разбросаны въ безпорядкѣ и большею частью на камняхъ. Я встрѣтилъ много поморовъ, сидѣвшихъ и лежавшихъ безъ всякаго дѣла.

— Вы что же, ребята, не на промыслѣ?

— Наживки не стало,—отвѣтилъ одинъ изъ рыбаковъ.—Въ ней самой весь промыселъ состоитъ.

Наживка—это маленькая рыбка, именуемая песчанкой и мойвой. Она ловится на отлогихъ песчаныхъ берегахъ и насаживается для приманки на крючекъ.

— Такъ какъ же быть безъ наживки?

— А вотъ пока нарѣзаемъ червячковъ изъ семги и наживляемъ яруса [1]). Но треска на семгу идетъ плохо, да такая наживка и не выгодная. Работаешь въ морѣ двое сутокъ и едва напромышляешь на расходы по семгѣ. Ужъ только и маешься изъ того, чтобы хозяева не говорили, что сидимъ, сложа руки. Нынче наживка была у береговъ недолго, а потомъ ушла въ голымень, и когда придетъ сызнова—Богъ вѣдаетъ. Большіе будутъ убытки. Пять судовъ стоятъ подъ посолку рыбы, а не нагрузить, почитай, и трехъ.

— Много васъ въ становищѣ?

— Болѣе ста покручниковъ. Ловимъ у тридцати хозяевъ на сорока посудинахъ. Еще зуевъ десятка два наберется.

— А какъ продовольствуетесь?

— Мы работаемъ на хозяйскихъ харчахъ, да такъ и во всѣхъ становищахъ. Наши хозяева берутъ провизію у факториста; они тоже есть въ каждомъ становищѣ.

Болѣе я ничего не могъ узнать отъ рыбаковъ и поднялся въ колонію. Поселеніе выглядитъ порядочнымъ, а нѣкоторыя избы даже свидѣтельствуютъ о зажиточности хозяевъ. Эта колонія образовалась слишкомъ двадцать лѣтъ назадъ. Здѣсь я повстрѣчался съ однимъ колонистомъ, поселившимся изъ первыхъ.

— Когда я пришелъ,—говорилъ онъ,—въ колоніи было два двора, а нынѣ наберется съ десятокъ, и, слышно, еще заявлено начальству о переселеніи изъ поморья. Противъ нашей колоніи трещочка стала ловиться лучше, ну, и тянетъ промыселъ колонистовъ. У насъ такіе ловы, что самимъ не справиться и нанимаемъ работниковъ.

— На какихъ же условіяхъ?

— Ежели на лѣто, то харчъ нашъ, впередъ 40 рублей и послѣ промысла 30 рублей каждому работнику. Весною, въ прибыльный промыселъ, рядятся не за плату, а изъ части, на манеръ какъ бы покручники въ становищахъ. Каждому полагается $^1/_{12}$ часть всего улова. Къ примѣру, поймаетъ шняка, при 4-хъ работникахъ,

---

[1]) Веревка съ крючками, длиною до 10 верстъ.

1.200 пудовъ рыбы, значитъ, по 100 пудовъ ловцамъ, а остальное беретъ колонистъ. Скажемъ, хозяину придется 800 пудовъ, зато его посудина, снасти, харчъ.

— Ваша колонія, кажется, изъ лучшихъ?

— Живемъ ничего, только сельское общество стало обижать. Намъ дали въ надѣлъ семужьи ловы по р. Рындѣ, и мы вылавливали семги на 600 рублей, но это было недолго. По какимъ такимъ правамъ, не знаю, общество запретило намъ промышлять и теперь отдаетъ рѣчку въ аренду лопарямъ; они ловятъ, а мы—глядимъ. Пущай пользуются. Наши колонисты народъ оборотистый. У иныхъ были скоплены деньженки, купили сѣти, завели подходящія посудины и начали звѣремъ промышлять.

— Какимъ звѣремъ?

— А тюлень тутъ водится, по-нашему нерпа. Весною гужомъ тянется она вдоль берега. Нынѣ словили до 300 штукъ и продали за 1.000 рублей.

Я спросилъ о скотоводствѣ.

— Скотинка у насъ незавидная, все же не въ примѣръ другимъ колоніямъ имѣемъ на каждый дворъ по коровушкѣ, да олешекъ съ овцами десятка три. Вѣдь покосы наши совсѣмъ никуда не годятся: сбираемъ травинками по рѣкамъ, въ ложбинахъ. Ежели купить сѣно въ Архангельскѣ, то оно будетъ стоить съ доставкой 50 коп. пудъ. Поэтому скотинки много не заведешь. Мы сѣномъ только и кормимъ коровушекъ, олешки ѣдятъ сырой мохъ, а для овецъ мохъ ошпаримъ, мукой потрусимъ, и ладно.

Поселенцы Рынды, какъ разсказывалъ колонистъ дальше, всѣ православные, переселились изъ Кемскаго уѣзда. Есть нѣкоторые грамотные, но выучились не въ колоніи, а на родинѣ и передавать грамоту новому поколѣнію не могутъ, такъ что послѣднее растетъ безграмотнымъ. Отъ болѣзней колонисты пользуются домашними средствами, только лѣтомъ прибѣгаютъ къ помощи Краснаго Креста, который, на время промысловъ, посылается архангельскимъ отдѣленіемъ. Въ этомъ больничномъ пунктѣ имѣются три постоянныя кровати; онъ снабженъ маленькою аптекой, фельдшеромъ и двумя сестрами милосердія.

Изъ Рынды я поѣхалъ въ колонію Гаврилову. На пути лежали одни становища, за исключеніемъ Шельпина, гдѣ пріютились два колониста—русскій и финляндецъ, да, какъ я слышалъ, хочетъ поселиться третій—норвежецъ. Оба колониста зажиточны, имѣютъ суда, рыболовныя снасти, изъ скота содержатъ: 3 коровъ, 8 овецъ и до 30 штукъ оленей. Становища слѣдующія: Трящино, Щербиниха, Захребетное, Шельпино, Зеленцы и Оленница. Только Трящино стоитъ въ 28 верстахъ отъ Рынды, а разстояніе между другими становищами не превышаетъ 10 верстъ. Я былъ въ этихъ становищахъ и вынесъ отъ всѣхъ одинаковое впечатлѣніе. Разница есть лишь въ

Городъ Красноборскъ.

количественномъ отношеніи: напр., въ Трящинѣ промышляетъ около 300 покручниковъ, въ Шельпинѣ и Зеленцахъ—по 70, а въ другихъ—меньше. Впрочемъ, въ Зеленцахъ обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что тамъ промыселъ въ рукахъ двухъ хозяевъ—норвежца Кнюцена и отчасти русскаго. Норвежецъ числится колонистомъ западной колоніи Фильманской, имѣетъ въ Зеленцахъ 12 шнякъ, 10 ярусовъ и до 50 наемныхъ русскихъ работниковъ.

За нѣсколько верстъ до Гаврилова задулъ сѣверо-восточный вѣтеръ, стало колыхаться необозримое водное пространство, вскорѣ заходили громадныя волны. У становища Шельпино интересно было смотрѣть на прибой волнъ или, какъ называютъ здѣсь, «взводни». Катитъ волна на берегъ и за нѣсколько саженъ начинаетъ тянуть къ себѣ воду, обнажая берегъ; тѣмъ временемъ сама волна растетъ, острится, въ вершинѣ пѣнится и лѣзетъ на берегъ; затѣмъ, встрѣтивъ преграду, въ видѣ отвѣсной скалы, съ неимовѣрной силой разбивается объ нее; воздухъ оглашается страшнымъ шумомъ или ревомъ; брызги летятъ выше скалы и вѣтромъ превращаются въ пыль. Скала не успѣетъ, что называется, опомниться, какъ набѣжитъ слѣдующая гряда, и снова такой же ударъ. Смотря на эту картину, является непонятное сожалѣніе къ этимъ скаламъ и думается, чѣмъ провинились эти гиганты, что волны океана весь вѣкъ колотятъ ихъ немилосердно. Не менѣе любопытно было наблюдать также и «буруны». Лежитъ подъ водою камень—«банка». Набѣжитъ волна на «банку», и вода надъ нею начнетъ подниматься, образуя конусообразный холмъ, какъ будто бы изъ самаго чистаго прозрачнаго свѣтлозеленаго стекла и притомъ колышащійся, точно живой. На вершинѣ появляется бѣлоснѣжная пѣна и затѣмъ слѣдуетъ разрушеніе водяного холма. Милліарды брызгъ разлетаются въ стороны громаднѣйшимъ кустомъ и сверкаютъ на солнцѣ разноцвѣтными брильянтами. Этотъ дивный букетъ мгновенно тухнетъ, но на смѣну выростаетъ другой, третій и т. д. Все это зрѣлище сопровождается всплескиваніемъ и перекатывающимся шумомъ.

Мы подошли къ гавриловской избѣ, но вслѣдствіе волненія никто изъ пассажировъ не соглашался переправляться на берегъ. Пароходъ покрутился, повертѣлся противъ бухты и сталъ спускаться въ губу Пахту, закрытую отъ океана островами и поэтому менѣе опасную. Три версты ѣхали до Пахты и тамъ бросили якорь. Я началъ собираться. Замѣтивъ это, бесѣдовавшій со мною «кубическій» докторъ спросилъ меня:

— Вы въ Гаврилово?

Я утвердительно кивнулъ головой.

— Будьте любезны, зайдите тамъ въ больницу Краснаго Креста и скажите фельдшеру, чтобы онъ явился ко мнѣ сюда съ книгой о больныхъ.

Съ моей стороны послѣдовало обѣщаніе, но докторъ чрезъ минуту перемѣнилъ намѣреніе.

Колонія и становище Рында.

— Впрочемъ, не говорите этого, а скажите, что я проѣхалъ въ Норвегію и оттуда самъ буду въ больницѣ.

Я обѣщалъ и объ этомъ передать фельдшеру.

— А вы знаете, зачѣмъ я ѣду туда?—улыбнулся докторъ.—Я люблю въ Вардэ позабавиться шведскимъ пуншемъ. До страсти его люблю. Такъ сообщите, что я заѣду на обратномъ пути.

— Съ удовольствіемъ,—отвѣтилъ я.

Со мной выходили на берегъ чиновники. Мы спустились по трапу въ карбасъ. Едва послѣдній тронулся, я услышалъ голосъ доктора, свѣсившагося на перила.

— Послушайте, не говорите ничего въ больницѣ. Я, должно быть, совсѣмъ не буду выходить на берегъ.

«Что за чудакъ!»—подумалъ я и тутъ же спросилъ о немъ у чиновниковъ.

— Это медицинскій инспекторъ,—отвѣчалъ кто-то.—Онъ получилъ 500 рублей прогонныхъ денегъ и обязанъ заглянуть во всѣ больничные пункты, учреждаемые во время рыбныхъ промысловъ.

— Хороша инспекція!—не сдержался я замѣтить вслухъ.

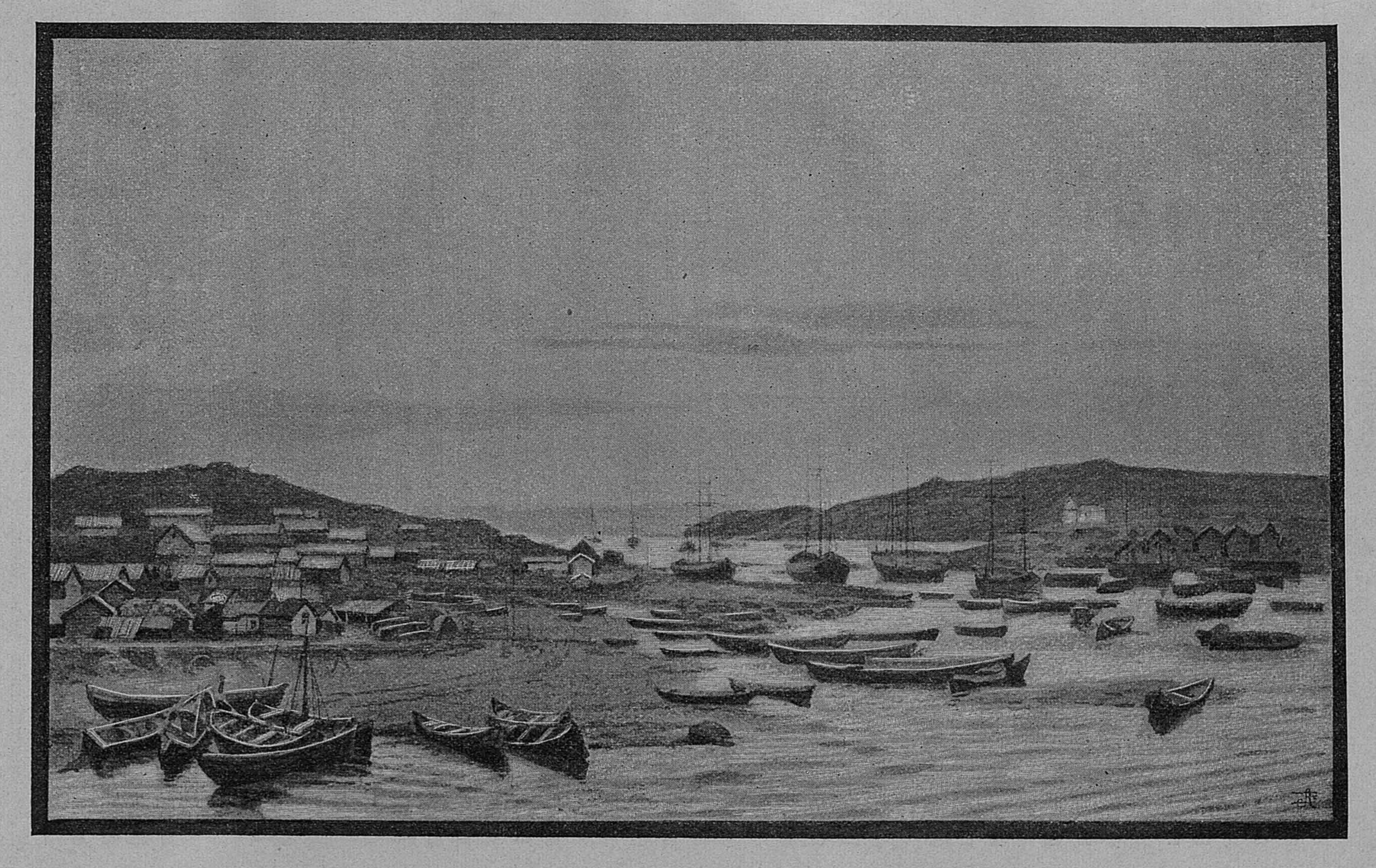
Въ колонію мы шли по берегу, сначала по кочкамъ и камнямъ, а потомъ вязли въ болотахъ.

Я отправился на «отводную» квартиру къ колонисту Якову Рѣдькину и у него остался на недѣлю до слѣдующаго парохода.

Живя въ Гавриловѣ, я знакомился съ бытомъ и промыслами какъ пришлыхъ, такъ и постоянныхъ обитателей колоніи.

Входъ въ Гавриловскую губу узкій, напоминаетъ какъ бы коридоръ; съ боковъ грозно и вмѣстѣ съ тѣмъ печально, безжизненно смотрятъ скалистыя горы, покрытыя вслѣдствіе присутствія въ нихъ желѣзистыхъ породъ ржавчиною. На одной изъ этихъ горъ зажигается маякъ; она самая высокая, называется «Гляднемъ» и служитъ для жителей обсерваціоннымъ пунктомъ. Я взбирался на «Глядень» до самаго маяка; тамъ, конечно, голый камень, а въ трещинахъ—вѣчный снѣгъ. Осматриваясь кругомъ, я видѣлъ съ одной стороны горы, переходящія дальше въ холмы, а за ними какъ бы равнину, скрывающуюся за горизонтомъ; съ другой—безпредѣльную водную ширь. На «Гляднѣ» больше наблюдаютъ за срочнымъ пароходомъ, который прежде всего показывается въ формѣ черточки.

Губа вдается въ материкъ глаголемъ; лѣвый берегъ на всемъ протяженіи горный, а правый на изгибѣ образуетъ низменную площадку, защищенную со всѣхъ сторонъ возвышенностями. Гавриловская губа очень мелкая и въ «убылую» воду дѣлается совершенно безводною, такъ что плоскодонныя суда садятся на сушу, а килевыя ложатся на бокъ. Вода прибываетъ на 7—8 футовъ. Въ «прибылую» воду дно губы красиво блеститъ на солнцѣ перламутромъ. Это явленіе объясняется весьма просто. Въ началѣ губы поморы, раздѣлывая для посолки треску, бросаютъ головы и внутренности



Колонія и становище Гаврилово.

въ воду; во время же взводней всѣ отбросы вмѣстѣ съ тиною и разными морскими водорослями приносятся въ губу, гдѣ головы одною щекою всасываются въ илъ, а другою блестятъ при солнечныхъ лучахъ. Пріятно смотрѣть на дно губы, сплошь умощенное головами, въ «прибылую» воду, но въ «убылую» приходится затыкать носъ и бѣжать отъ берега, такъ какъ давно разложившіяся головы распространяютъ сильное зловоніе. Я говорю относительно головъ потому, что остальные отбросы скоро исчезаютъ. Дѣло въ томъ, что, по спадѣ воды, налетаютъ стаи чаекъ и бросаются на рыбьи внутренности, уничтожая ихъ съ такою жадностью, что вступаютъ въ драку, неистово кричатъ и, увлекшись борьбой, подпускаютъ человѣка, хоть руками ихъ бери. Слѣдовательно, чайки оказываютъ здѣсь громадную услугу санитарному дѣлу. Видѣлъ я чаекъ во всѣхъ становищахъ, и тамъ онѣ приносятъ такую же пользу.

Колонія Гаврилово—одна изъ старѣйшихъ мурманскихъ колоній, основанная въ сороковыхъ годахъ крестьяниномъ Рѣдькинымъ, который и понынѣ проживаетъ въ ней. Дворовъ насчитывается девять, домики порядочные, стоятъ на высокомъ берегу въ довольно значительномъ другъ отъ друга разстояніи.

Комнатка, гдѣ я помѣстился, была чистенькая, уютная, съ тремя окнами, изъ которыхъ виднѣлся океанъ. За нее хозяинъ Рѣдькинъ получаетъ отъ казны 100 рублей и обязывается принимать пріѣзжающихъ чиновъ. Хозяинъ—сынъ основателя колоніи, семейный, одинъ изъ зажиточныхъ колонистовъ. Онъ разсказывалъ, какъ колонисты живутъ, чѣмъ занимаются.

— Свыклись мы съ морской жизнью и ничего, живемъ помаленьку,—говорилъ Рѣдькинъ.—А какъ осенью задуетъ вѣтеръ, начнетъ хлестать дождь—страсть. Вотъ ее,—онъ показалъ на восточную стѣну избы,—пробьетъ дождемъ сквозь. Ежели вѣтеръ сѣверный, да съ дождемъ, съ оконъ течетъ на полъ, печи топимъ, потому вся изба настудится. Опять же туманы, чамра [1]) производятъ сырость. Только и видимъ лѣто побольше мѣсяца.

— А зимою какъ, холодно?

— Сильныхъ морозовъ нѣтъ, зато пурга снѣжная донимаетъ. Разъ возвращался я изъ Колы и угодилъ въ непогодицу. Олешки съ тропы сбились, измучились голодные, и блуждалъ я по тундрѣ двое сутокъ; чуть не застылъ, не умеръ съ голоду.

— Промыселъ у васъ, конечно, треска?

— Промышляемъ, но не очень. У троихъ хозяевъ только есть посудины, да и то ловятъ наемными работниками. Остальные берутъ снаряды изъ платы у своихъ же колонистовъ. У насъ зимою прибыльно охотятся на лисицъ, выдръ, росомахъ. И скотоводство, скажу, ведемъ хорошее. Коровушекъ и овецъ держимъ для себя, а

[1]) Мелкій, какъ пыль, дождь.

олешекъ имѣемъ до сотни. Шкуры, рога, мясо продаемъ въ Колѣ. Сбываемъ и живымъ товаромъ. Я нынѣ продалъ губернатору для Новой Земли 10 олешекъ и взялъ за важинокъ [1]) по 10 рублей, за ирмосовъ [2])—по 13 рублей. Луговъ у колонистовъ мало, выгоновъ нѣтъ, только и можно пасти въ тундрѣ олешекъ.

— Семгу здѣсь ловятъ колонисты?

— Прежде промышляли на р. Вороньей, что въ трехъ верстахъ отъ колоніи. Потомъ общество отняло промыслы и отдаетъ лопарямъ за плату. Мой отецъ и теперь ловитъ съ ними на паяхъ.

— А можно у него добыть этой рыбы?

— Вотъ сейчасъ спрошу.

Рѣдькинъ ушелъ и чрезъ часъ вернулся съ свѣжей рыбой въ полпуда. Я купилъ семгу по 6 коп. за фунтъ, и впослѣдствіи мнѣ приготовляли ее каждый день въ разныхъ видахъ—въ ухѣ, въ жаркомъ, просто вареную.

Былъ я у другихъ колонистовъ и замѣтилъ, что помѣщенія большею частью удобныя, опрятныя. Въ колоніи разселились только два двора, т.-е. старикъ Рѣдькинъ выдѣлилъ двухъ сыновей, которые живутъ самостоятельно, со своими семьями. Прочіе колонисты пришли изъ Кемскаго уѣзда.

— Какъ у васъ насчетъ лѣса?—спросилъ я въ одной избѣ.

— Строевой покупаемъ по высокимъ цѣнамъ,—отвѣчалъ хозяинъ.—Вотъ въ дровяномъ нужды не имѣемъ, потому по берегамъ Вороньей ростетъ березнякъ, ну, и рубимъ его въ волю.

— У васъ я видѣлъ церковь?

— Есть, во имя св. Николая. Батюшка у насъ хорошій, школу при храмѣ завелъ. Шестеро ребятишекъ бѣгаютъ въ школу. Батюшка и дьячекъ обучаютъ безплатно. Средства требуются отъ родителей небольшія—на книжки и бумагу.

— А какъ продовольствуетесь?

— Кромѣ хлѣба, мы ничего не покупаемъ, у насъ все свое: рыба сушеная, соленая, грибы, ягоды, по праздникамъ оленчану ѣдимъ. Хлѣбъ покупаемъ у фактористовъ, и не бывало, чтобы платили меньше 8 рублей за куль.

Изъ преобладающихъ среди колонистовъ болѣзней—золотуха и парши. Прибѣгаютъ къ медицинской помощи лишь лѣтомъ, когда въ колоніи появляется «Красный Крестъ». Нравственная сторона колоніи удовлетворительная: водку пьютъ мало, кражи бываютъ очень рѣдко, незаконнорожденные случаи почти не встрѣчаются. Одѣваются колонисты чисто, понѣмецки.

Я ходилъ часто въ становище, много бесѣдовалъ съ фактористами, хозяевами, покручниками, осматривалъ суда, жилища. Про-

---

[1]) Самка.

[2]) Самецъ.

мышленники—крестьяне Кемскаго и частью Онежскаго уѣздовъ. Фактористы совмѣщаютъ въ себѣ еще одинъ элементъ—крупнаго хозяина. Фактористъ имѣетъ не менѣе десяти промысловыхъ шнякъ и два, три мореходныхъ судна, доставляющихъ соленую рыбу на архангельскіе рынки. Для промысла онъ вербуетъ по бѣломорскимъ селеніямъ покручниковъ, давая имъ впередъ по 100—150 рублей, но часть этихъ денегъ засчитывается за выданные покручнику сѣрое сукно, сапоги, а также за муку, пшено, чай, сахаръ, ситецъ, оставляемые семьѣ покручника. На Мурманѣ фактористъ торгуетъ солью и всѣми жизненными припасами, при чемъ мелкимъ хозяевамъ даетъ ихъ за рыбу преимущественно въ кредитъ. Мелкій хозяинъ имѣетъ двѣ шняки, подряжаетъ также покручниковъ и вмѣстѣ съ ними работаетъ самъ на промыслѣ. Предоставляя покручникамъ на Мурманѣ свое иждивеніе, онъ, за недостаткомъ средствъ, беретъ въ долгъ товаръ у факториста и взамѣнъ процентовъ, конечно, не мало переплачиваетъ.

Покручники—народъ, достойный всякаго сожалѣнія. Весною они переправляются чрезъ Лапландскій полуостровъ, вязнутъ въ глубокихъ снѣгахъ, спятъ подъ открытымъ небомъ, отмораживаютъ оконечности, получаютъ хроническій ревматизмъ, заражаются цынгою, а, придя въ становище, живутъ при самыхъ отвратительныхъ условіяхъ.

— Какая прибыль отъ мурманскихъ операцій?—спросилъ я одного колониста, сидя у него въ лавкѣ.

— Едва концы съ концами сводимъ. Скажемъ, шняка достанетъ 1.200 рублей; изъ нихъ надо отдать третью часть поморамъ, а остальная уйдетъ вся на расходы. Задаемъ впередъ покручникамъ, содержимъ ихъ во время промысловъ на свой счетъ; опять же ломаются суда, рвутся рыболовныя снасти, а это все наше.

— Странно, изъ-за чего же вамъ безпокоиться?

— А просто держимъ завѣтъ предковъ. Занимались такъ наши отцы, дѣды, ну, и мы имъ слѣдуемъ. Одно слово, добродѣтельствуемъ, кормимъ бѣдный людъ.

Такія слова я слышалъ и отъ другихъ фактористовъ. Всѣ они спѣлись и поютъ на одинъ ладъ. Правда, по расчетамъ факториcтовъ, 800 рублей разойдутся безъ остатка, но барыши приходится искать въ нѣдрахъ промысла. Во-первыхъ, дается покручникамъ впередъ часть товаромъ, который ставится втридорога противъ обыкновенныхъ цѣнъ, и, во-вторыхъ, отпуская мелкимъ хозяевамъ въ кредитъ припасы для шняки на 400 рублей, фактористъ пользуется 25 проц.

Такимъ образомъ, сидя на берегу и не рискуя ни здоровьемъ, ни жизнью, въ результатѣ фактористъ получаетъ отъ своего оборотнаго капитала до 50% вознагражденія, далеко не похожаго на «концы съ концами».

Колонія и становище Териберка.

Поэтому ничего нѣтъ удивительнаго, что при посѣщеніи факторій владѣльцы ихъ угощали меня рыбными и мясными закусками, бѣлымъ хлѣбомъ, чаемъ и разными винами.

Положеніе мелкихъ хозяевъ гораздо хуже. Они являлись ко мнѣ на квартиру и всѣ съ одною цѣлью—узнать, не назначаю ли я промышленникамъ «способія» отъ казны. Приходили хозяева группами, причемъ одинъ выбирался потолковѣе для разговора, а прочіе находились при немъ для подтвержденія словъ выборнаго.

Пришло ко мнѣ четверо такихъ хозяевъ.

— Вамъ что, ребята?—спросилъ я ихъ.

— Слыхали мы, что вы казенное способіе поморамъ даете, такъ вотъ явились къ вашей милости...—сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Къ вашей милости,—подтвердили остальные.

— За какимъ пособіемъ?—недоумѣвалъ я.

— Какое выдавали раньше намъ отъ казны.

Я объяснилъ поморамъ, что не только выдавать, но и назначать пособія меня никто не уполномочилъ; тѣмъ не менѣе поинтересовался узнать, какое ранѣе выдавалось пособіе, причемъ оказалось, что прежде промышленники получали отъ правительства ссуду, въ размѣрѣ 400 рублей на шняку (4 чел.) и 200 рублей на карбасъ (2 чел.). Ссуда выдавалась съ тѣмъ, чтобы уплата послѣдовала не позже зимы того года, въ который она взята.

— Говорили, что денегъ было роздано до 20 тысячъ,—пояснялъ толковый поморъ.—Потомъ давать бросили, потому многіе не стали платить, трудно обернуться на эти деньги: дома семью хлѣбомъ снабди, посудину и снасти справь, на Мурманѣ прокормись. Скажемъ—это промышленникъ снесъ бы, да есть другая бѣда: живетъ онъ годомъ впередъ.

— Это какъ же?

— Во весь промыселъ сдаемъ рыбу за старый долгъ фактористу или крупному хозяину и тутъ же наживаемъ новый. При способіи же мы перестали брать провизію у фактористовъ, а имъ и на руку; они рыбу-то и взяли у насъ за долги. Зимою полѣзли снова въ долгъ къ фактористамъ, такъ что на слѣдующій годъ и фактористу заплати и казнѣ отдай. Удержалось, пожалуй, съ пятокъ хозяевъ на самостоятельномъ промыслѣ, а остальные попрежнему маятся съ долгами.

— Такъ какъ же вамъ помочь?

— Надо перво-на-перво отъ долговъ очиститься, потомъ получить 400 рублей и ловить самостоятельно. Тогда цѣны на соль и рыбу будутъ назначаться не какія угодно купцу, а какія захочетъ покупатель, подходящія, божескія—это важно въ торговлѣ. Значитъ, способіе слѣдуетъ выдавать въ два раза больше и уплату требовать въ 5—6 лѣтъ. Вотъ наши промышленники и станутъ на ноги, будетъ на Мурманѣ у всѣхъ прибыль трудовая; въ теперешнее же

время работникъ еле сбивается на хлѣбъ, а кто имѣетъ копейку для оборота, тотъ на печи лежитъ и насчетъ бѣдняка блаженствуетъ.

— При настоящихъ условіяхъ вы имѣете тоже прибыль?

— Какая наша прибыль! Сотню-полторы заработаешь и прибeрегаешь для задатка на будущій промыселъ.

— А когда даете покручникамъ на родинѣ товаромъ, получаете выгоду?

— Тогда наживаютъ крупные хозяева, особенно которые содержатъ въ селахъ лавочки, а мы сами беремъ у нихъ въ долгъ и выручаемъ нашихъ покручниковъ. На Мурманѣ доля наша такая же, какъ и ихъ. Вмѣстѣ промышляемъ, спимъ, ѣдимъ, и заработки одинаковые. Одно какъ будто бы лучше, что хозяиномъ считаешься, ну, и дорога на промыселъ способнѣе будетъ, нежели у покручниковъ.

Все это, быть можетъ, горькая правда, но помочь поморамъ я никакъ не могъ, и они вышли отъ меня, повѣся головы.

Извѣстно, что покручникъ, идя на промыселъ, обезпечиваетъ свою семью насчетъ хозяина. На промыслѣ онъ живетъ на иждивеніи того же хозяина и обязывается ловить ему рыбу, причемъ самъ пользуется «покрутомъ», равняющимся $^1/_{12}$ всего улова. Напримѣръ, шняка выловитъ рыбы на 1.200 рублей, и говорятъ: «покрутъ» упалъ на 100 рублей, то-есть эту сумму получаетъ каждый покручникъ. Однако рѣдкій покручникъ приноситъ домой рубли, а большею частью или гроши, или возвращается ни съ чѣмъ. Дѣло въ томъ, что расчеты происходятъ въ Архангельскѣ, на Маргаритенской ярмаркѣ. Получивъ «покрутъ» и притомъ, вслѣдствіе разныхъ нужныхъ заборовъ на промыслѣ, неполный, покручникъ выжидаетъ парохода, который долженъ везти его на кемскій или онежскій берегъ. Ждетъ онъ недѣлю и проживается, а тутъ на грѣхъ трактиры соблазняютъ, и въ результатѣ обыкновенно пустой карманъ; иныхъ даже хозяинъ снабжаетъ въ дорогу провизіей и покупаетъ билеты.

Конечно, такое положеніе покручника на руку хозяину. Не успѣлъ покручникъ вернуться домой, онъ уже въ долгу, закабаленъ, онъ, живой человѣкъ, заложилъ уже себя на будущій промыселъ.

Такъ возвращаются покручники на родину. Не безынтересно сказать со словъ ихъ, какъ они отправляются на Мурманъ.

Едва наступитъ весна, какъ по всему западному и частью онежскому берегамъ заботливо и оживленно закопошится промышленное населеніе, памятуя свое долговое обязательство, въ обезпеченіе котораго оно положило свой будущій тяжелый и рискованный трудъ. Жены печально начнутъ снаряжать въ путь-дорогу мужей; матери не безъ грусти захлопочутъ около сыновей. Мѣстные кабаки и лавки широко раскрываютъ свои гостепріимныя двери, сельская администрація изнемогаетъ отъ усиленной выдачи кратковременныхъ паспортовъ, но она, впрочемъ, не сѣтуетъ на это, ибо съ каждаго покручника собирается по ниткѣ и кому слѣдуетъ составляется ру-

баха. Шумъ, крики, пѣсни, пьянство нѣсколько дней держатся въ поморскихъ селеніяхъ. Послѣ разгула извѣстная группа поморовъ собирается у своего кредитора-хозяина, и назначается день отправки. Въ этотъ день хозяинъ, въ смыслѣ отвальной, задаетъ покручникамъ прощальный обѣдъ изъ рыбы и пироговъ, а главное отличающійся обиліемъ водки. Послѣ обѣда объявляется лицо, которое, въ видѣ приказчика, будетъ руководить покручниками въ пути. Затѣмъ, хозяинъ дѣлаетъ имъ внушеніе, какъ они должны вести себя дорогой, не ссориться, слушать большака и пр. Внушеніе звучитъ пріятельскимъ, задушевнымъ тономъ, и нѣтъ тогда отъ хозяина покручникамъ больше названій, какъ «молодцы» да «ребятушки», хотя передъ обѣдомъ съ языка его не сходили иныя слова: «обжоры», «черти», «пьяницы». Вообще, въ послѣднія минуты разставанія хозяинъ бываетъ крайне ласковъ съ покручниками, разсыпается въ любезностяхъ и даже ухаживаетъ за ними. Все это дѣлается исключительно въ собственныхъ интересахъ хозяина; онъ всячески старается устроить проводы такъ, чтобы покручники отправились на промыселъ съ пріятнымъ впечатлѣніемъ, чтобы хозяина хвалили и одобряли, иначе за дурное обращеніе и малую выпивку они могутъ устроить на Мурманѣ такую непріятность, которая вредно отразится на словахъ.

Итакъ, угостившись вдоволь насчетъ хозяина, покручники получаютъ отъ него на дорогу нѣсколько рублей, молятся Богу, прощаются и пускаются въ дальній путь. Семьи провожаютъ ихъ, напутствуютъ добрыми пожеланіями и, разлучаясь, слезно плачутъ. Да и какъ не плакать? Быть можетъ, на вѣки разстаются съ своими кормильцами. Длинные, убійственные, въ теченіе цѣлаго мѣсяца, переходы при отвратительныхъ условіяхъ, болѣзни, бури, штормы—вотъ что ожидаетъ эту задолжавшую толпу. Поэтому понятно, что отхожіе мурманскіе промыслы ежегодно уносятъ въ вѣчность не мало жертвъ, оставляя семьи безъ куска хлѣба и обрекая ихъ на полную нищету.

Отъ дома до мѣста промысла покручники проходятъ различныя разстоянія—500—1000 верстъ, смотря потому, насколько ближе или дальше лежитъ селеніе къ промысловому пункту. До с. Кандалакши покручники проходятъ чрезъ нѣсколько селеній, гдѣ они могутъ и отдохнуть въ теплѣ и подкрѣпить силы горячей пищей; за Кандалакшей же, считающейся преддверіемъ Лапландіи, ничего подобнаго они получить не могутъ и переносятъ такія ужасныя условія пути, какія просто несвойственны людямъ.

Прибывъ въ становище, покручники находятъ жилища, амбары, кладовыя, погребенными въ глубокихъ снѣгахъ. Черезъ отворенныя двери и разбитыя окна снѣгъ забился внутрь и жилыхъ, и нежилыхъ строеній. Изнеможенные и усталые поморы прежде всего начинаютъ откапывать жилища, а потомъ принимаются за складоч-

ныя строенія; они прорываютъ дорожки, очищаютъ отъ снѣга нары и спѣшатъ поскорѣе отопить помѣщенія. Оставшійся внутри снѣгъ таетъ, производитъ испаренія, и въ избахъ образуется страшная сырость. Обитателямъ нѣтъ заботы о томъ, какое вліяніе она имѣетъ на организмъ. Разъ промышленники добрались до стана живыми, цѣлыми, невредимыми, откопали нары и затопили печи, они благодушествуютъ послѣ долгаго путешествія, наслаждаясь тепломъ и отдыхомъ, а на все прочее не обращаютъ вниманія. Да и стоитъ ли безпокоиться о сырости, когда она частью выгоняется сквознякомъ, частью стушевывается въ духотѣ, которая на первыхъ же порахъ вселяется отъ тѣсноты, неряшливости, грязи и другихъ нечистотъ.

Я измѣрялъ и осматривалъ станы. Это большею частью избы, построенныя изъ толстыхъ досокъ и покрытыя однорядной тесовой крышей. Длиною станъ въ 4, шириною въ $3^1/_4$, высотою въ $1^3/_4$ аршина. Дверь въ 14, а окно въ 9 вершковъ. Внутри вдоль стѣнъ тянутся нары въ 1 аршинъ ширины; надъ ними придѣланы полки; передъ окномъ столъ на кольяхъ. Полъ настланъ только между нарами, а подъ послѣдними голая земля. На верху досчаной потолокъ; въ углу печь, сложенная изъ плитняковаго гранита. Въ такомъ станѣ помѣщается составъ шняки изъ 4 человѣкъ, да, кромѣ того, нерѣдко сушатся рыболовныя снасти съ морскою травой, разлагающейся и издающей зловоніе.

— Какъ вы спите на такихъ узкихъ нарахъ?—спросилъ я промышленниковъ.

— Тѣснимся по привычкѣ. Спимъ бочкомъ, а въ теплую погоду двое уходятъ на чердакъ.

— А къ духотѣ, грязи тоже привыкли?

— Не замѣчаемъ.

Надо просто удивляться такому отвѣту. Бань въ становищахъ не существуетъ, купаться негдѣ; бѣлье и посуда, за отсутствіемъ женщинъ, моется рѣдко, полы же и нары совсѣмъ не видятъ воды. Сами поморы во время штормовъ бездѣйствуютъ и цѣлыми сутками валяются въ стѣнахъ, потѣютъ, прѣютъ, — все это служитъ богатымъ разсадникомъ для паразитовъ, причиняющихъ обитателямъ немалое мученье.

— А что употребляете въ пищу?

— Перво-на-перво трещочка, потомъ ѣдимъ максу, кашу. Ежели случится хорошій ловъ, то дорожимъ временемъ и обѣдаемъ на скорую руку, иной разъ недобѣдываемъ, а беремъ съ собою хлѣба.

Пищу варятъ въ нелуженныхъ мѣдныхъ котлахъ, отчего на стѣнкахъ ихъ остается зеленоватая окись, которой въ смыслѣ вредности поморы не придаютъ никакого значенія и не удаляютъ ея. Промышленники пьютъ и чай, но для приготовленія его нѣтъ ни самоваровъ, ни особыхъ котловъ, а отвѣчаетъ все тотъ же пищевой котелъ, въ которомъ сваренный чай припахиваетъ мѣдью и трещочкой.

Возвращаясь изъ становища, я заходилъ въ больницу Краснаго Креста и разговаривалъ тамъ съ фельдшеромъ. Послѣдній мнѣ объяснялъ.

— У насъ полагается 15 кроватей. Врачебный персоналъ составляютъ: два фельдшера, студентъ-медикъ и двѣ сестры милосердія. Врачъ бываетъ наѣздомъ, такъ такъ онъ назначенъ на весь берегъ.

— Больныхъ цынгою нынѣ много поступило?

— Только десять человѣкъ. Вѣдь у насъ цынга не вылѣчивается, а мы даемъ лишь первую помощь и отправляемъ въ архангельскую больницу; тамъ больные поправляются окончательно.

— Это почему же?

— Зимою помѣщенія не топятъ, лѣкарства въ аптекѣ стоятъ нѣсколько лѣтъ, не обновляются, вымерзаютъ; наконецъ, у насъ нѣтъ ваннъ и другихъ приспособленій.

— Въ прежніе годы цынга, кажется, болѣе свирѣпствовала на Мурманѣ?

— Всяко бывало. Чѣмъ лучше уловы, тѣмъ рѣже промышленники сидятъ въ своихъ заразныхъ станахъ, и цынга, конечно, дѣйствуетъ слабѣе. Вообще, необходимы санитарныя и гигіеническія мѣры, а о нихъ по всему побережью и понятія не имѣютъ. Впрочемъ, есть одна мѣра, довольно полезная, но не людская—это чайки. Онѣ уничтожаютъ всѣ рыбные отбросы, и за то убивать ихъ строго воспрещено.

— Значитъ, чайки являются санитарами Мурмана.

— Именно. А то возьмите салотопный заводъ купца Савина, гдѣ чайки не могутъ оказать услуги. Заводъ построенъ на площадкѣ, близъ скалистой стѣны. Поэтому дымъ отъ него не можетъ уноситься вѣтромъ, а разсѣивается по колоніи и становищу. Дымъ—очень ѣдкій, сильно вонючій, забивается и въ носъ, и въ ротъ, способенъ лишить аппетита даже голоднаго человѣка. Какъ затопится заводъ, такъ на воздухѣ минуты не пробыть, оконъ нельзя отворить; вонь проникаетъ во всѣ скважины—вотъ какая зараза.

— Вы бы донесли куда слѣдуетъ.

— Жаловались не разъ жители колоніи, но напрасно. Они—колонисты, а Савинъ—купецъ,—подчеркнулъ послѣднія слова фельдшеръ.

Въ этотъ же день мнѣ самому пришлось испытать прелести завода. Сидя за работой, при закрытыхъ окнахъ, я вдругъ почувствовалъ мерзѣйшій запахъ и спросилъ о причинѣ его у хозяина. «Это Савинъ заводъ свой затопилъ»,—былъ отвѣтъ. Когда я вышелъ изъ дома, то сейчасъ же вернулся съ зажатымъ ртомъ и носомъ. Положимъ, савинскій дымъ гуляетъ временно по колоніи и становищу, но за то въ послѣднемъ заразный запахъ виситъ въ воздухѣ всегда отъ того же завода. Дѣло въ томъ, что изъ-подъ салотопки выдѣляется какая-то желтоватая жижа и ползетъ черезъ все становище

въ избу. Жижа присыхаетъ на солнопекѣ, гніетъ и поддерживаетъ смрадъ постоянно. Кромѣ того, у самыхъ становъ сушатся тресковыя головы, вялится соленая рыба, въ открытыхъ чанахъ бродитъ протухшая макса, изъ которой выдѣляется тресковое сало, разлагаются выброшенные максовые подонки,—все это вполнѣ подтверждаетъ слова фельдшера, что на Мурманѣ о мѣрахъ противъ нечистотъ никто не заботится. Становище Гаврилово—самое большое на Мурманскомъ берегу. Нынѣ въ немъ гнѣздилось болѣе 100 становъ и работало около 1.000 покручниковъ и зуевъ при 150 хозяевахъ. Дѣйствовали три факторіи и три салогрѣйни.

Какъ уже сказано, въ трехъ верстахъ отъ Гаврилова находится небольшая рѣка Воронья, длиною около 20 верстъ, впадающая въ небольшую губу того же имени. На верховьяхъ этой рѣки стоитъ колонія Голицына. Строго говоря, это не колонія, а выселокъ изъ Гаврилова. Въ основаніи Голицыной, какъ мнѣ передавали, лежитъ такой фактъ. Два двора колоніи Гавриловой задумали переселиться на рѣку Воронью и обратились съ ходатайствомъ о поселеніи къ бывшему губернатору князю Голицыну, но послѣднимъ просьба была почему-то отклонена. Бѣдные колонисты повѣсили головы: съ одной стороны облюбованное мѣсто, а съ другой отказъ. Кто-то посовѣтывалъ колонистамъ вторично подать просьбу губернатору и просить его разрѣшенія съ тѣмъ, чтобы колонія была названа именемъ князя. На вторую просьбу послѣдовало удовлетвореніе; колонисты перевезли свои дома и съ 1888 г. водворились на желанномъ мѣстѣ, а крестьянское присутствіе занесло этотъ поселокъ въ книги подъ названіемъ колоніи «Голицына».

Я ѣздилъ на карбасѣ въ Голицыно. Выселокъ ютится среди возвышенностей и, видимо, защищенъ отъ вѣтровъ со всѣхъ сторонъ. Мужчины были всѣ на промыслѣ, такъ что говорить приходилось исключительно съ женщинами.

Изъ словъ ихъ можно было заключить, что поселокъ живетъ безбѣдно, хватаетъ и хлѣба и рыбы; колонисты—всѣ православные, нѣкоторые грамотные. При сравненіи поселка съ приморскими колоніями, слѣдуетъ отмѣтить разницу въ температурѣ, которая лѣтомъ достигаетъ 30° тепла, а зимою—35° холода.

На обратномъ пути, въ Вороньей губѣ я выходилъ изъ карбаса и смотрѣлъ, какъ на отлогомъ песчаномъ берегу поморы ловятъ «наживку». Такъ называется вообще маленькая рыбешка — мойва и песчанка. Она ловится съ береговъ неводами и наживляется на крючки ярусовъ, такъ что успѣхъ промысла вполнѣ зависитъ отъ улововъ «наживки». Сплошь да рядомъ бываетъ, что наживка ловится далеко отъ становищъ, и въ послѣднихъ рыбаки цѣлыми недѣлями сидятъ безъ дѣла. Такимъ образомъ, снабженіе становищъ наживкой есть важный вопросъ на Мурманѣ. Рыбешка круглая, не длиннѣе 3 вершковъ, каждая порода ловится въ свое время: мойва по-

падается въ сѣти весною, когда она изъ морскихъ пучинъ тучами придвигается къ берегамъ; песчанка ловится лѣтомъ и безусловно у песчаныхъ береговъ, гдѣ она любитъ зарываться въ песокъ.

На этотъ разъ поморы ловили песчанку или, какъ они выражаются, промышляли на «пескѣ». Работало до 20 неводовъ. Одни невода завозились, другіе тянулись изъ воды. Въ послѣднемъ случаѣ на каждомъ крылѣ стояло по 10 человѣкъ, одѣтыхъ въ холщевое платье норвежскаго издѣлія, вываренное въ оливѣ.

Усталый, вспотѣвшій людъ тяжело и сильно налегалъ на канаты, протянувшіеся по ихъ плечамъ. Медленная и трудная эта работа; поморы тихимъ шагомъ подвигались впередъ, все выше и выше идя въ берегъ.

Я спрашивалъ поморовъ объ уловахъ песчанки.

— Плохо, годъ отъ году плохо,—говорилъ одинъ старикъ.—Прежде ловили пудами, а нынче словишь съ сутки на одну тряску [1]), не болѣе. Такъ мы пускаемся на хитрости: разрѣзаемъ песчанку и наживляемъ половинками.

— Здѣсь кто нибудь ловитъ наживку независимо отъ трескового промысла, просто для продажи?

— Ловитъ норвежецъ Кнюценъ. Весною онъ продавалъ по становищамъ мойву и бралъ 5 рублей за пудъ. Много, шельма, денегъ нажилъ, не одну тысячу.

— Отчего вы упускаете это выгодное дѣло?

— Куда намъ! Надо особые невода, большую посудину, безъ средствъ дѣла не заведешь.

— Развѣ Кнюценъ пріѣхалъ на Мурманъ съ большими средствами?

— Оно точно, онъ сталъ промышлять не богаче насъ грѣшныхъ, но онъ—не нашъ братъ.

— Что же, сшитъ изъ другой кожи?

Поморъ улыбнулся и убѣдительно заключилъ:

— Одно слово—норвежецъ.

Въ этотъ же день я сѣлъ на пароходъ «Ломоносовъ» и отправился дальше, въ Териберку, гдѣ думалъ пробыть нѣсколько времени, чтобы дополнить промысловыя и бытовыя данныя.

Колонія Териберка лежитъ въ 30-ти верстахъ отъ Гаврилова. По осѣдлой населенности она считается первой на всемъ Мурманѣ; при ней становище, которое по числу промышленниковъ слѣдуетъ поставить вторымъ послѣ Гаврилова.

Войдя въ губу Териберку, я увидѣлъ въ глубинѣ ея поморскія избы, контуръ которыхъ, по мѣрѣ приближенія, все болѣе и болѣе прояснивался. Я поѣхалъ на шлюпкѣ и вышелъ на мысъ, покрытый сплошь мелкимъ намытымъ пескомъ. Съ одной стороны губа обра-

---

[1]) Забрасываніе яруса.

зовала маленькій заливчикъ, а съ другой—вдавалась гораздо больше, принимая рѣчку, вытекающую изъ лапландскихъ озеръ.

На мысу помѣстилась колонія съ 30 дворами, красивая сама по себѣ и представляющая привлекательный видъ съ рейда. Териберка похожа на колонію Гаврилово: промыслы, скотоводство, пользованіе покосами и лѣсомъ, школа, климатъ, нравственность, храмъ — все тоже. Впрочемъ есть одна отличительность—это хлѣбный казенный магазинъ, съ запасомъ въ 40 кулей, заготовленныхъ три года назадъ. Архангельскій комитетъ, завѣдующій магазиномъ, помѣщенія для него не имѣетъ, а сами колонисты арендуютъ, для склада муки, у своего собрата Никитина сарай, съ платою 20 рублей въ годъ. Нѣкоторые колонисты прямо заявляли о безполезности магазина.

— Получить ссудный хлѣбъ изъ казны людямъ бѣднымъ довольно трудно,—разсказывалъ одинъ колонистъ.—Хлѣбъ выдается по общественнымъ приговорамъ и чтобы поручилась вся колонія. Вотъ этого-то добиться и невозможно. Скажемъ, 10 домохозяевамъ нуженъ хлѣбъ; они составятъ приговоръ и предложатъ на сходѣ поручиться. У кого есть хлѣбъ, тотъ не подпишетъ, а коли рукоприкладства нѣтъ отъ всей колоніи, значитъ, приговоръ незаконный, и хлѣба не выдадутъ.

— Почемъ хлѣбъ въ магазинѣ?

— Дорого—10 рублей куль. Платили бы и такія деньги, ежели-бъ не круговое ручательство, потому иное время такъ приходитъ туго, что и сказать не можно.

Слова эти дышали правдой, и становилось грустно за колонистовъ, которые иногда сидятъ безъ хлѣба, а хлѣбъ подъ бокомъ, да взять его никакъ нельзя.

Изъ колоніи я перешелъ въ становище.

Въ промыслѣ самую важную роль играютъ суда и рыболовныя снасти; суда—шняки, елы и карбасы. Смотря по величинѣ, на нихъ работаетъ извѣстное число людей: на шнякѣ—четверо, на елѣ—трое и на карбасѣ—двое. Суда безпалубныя, съ самымъ простымъ вооруженіемъ: двѣ, три пары веселъ или мачта съ боковымъ парусомъ. Каждую зиму по бѣломорскимъ селеніямъ стучитъ мощный топоръ, и промысловыя суда нарождаются десятками. Но типъ ихъ съ поконъ вѣковъ не испытывалъ никакихъ усовершенствованій, и они ходятъ отъ берега только на 30 верстъ, а далѣе не позволяетъ имъ прочность. Даже на такомъ разстояніи суда не могутъ выдерживать морскихъ бурь, и ежегодно бываютъ случаи, что вмѣстѣ съ промышленниками они гибнутъ въ волнахъ океана. Шняка стоитъ 80—100 рублей, ела—40—50 рублей, карбасъ—30—35 рублей. Рыболовныя снасти состоятъ исключительно въ ярусахъ. Но такъ какъ яруса бываютъ очень длинные, то во избѣжаніе спутыванія, они выметываются и убираются частями, именуемыми тюками. Тюкъ—это веревка, толщиною въ палецъ; къ ней привязываются

орестеги, съ крючками, т.-е. тоненькія веревочки, въ аршинъ длины. Каждый тюкъ имѣетъ до 200 орестегъ, которыя сидятъ другъ отъ друга на разстояніи одной сажени. Тюковъ для составленія яруса берется разное число, сообразно тому, на какомъ суднѣ ѣдутъ промышленники на промыселъ,—отъ 15 до 40. Стоимость яруса опредѣляется въ 60—160 рублей.

Выѣздъ въ море судна бываетъ въ тихую погоду, а также и при умѣренномъ вѣтрѣ. Отъѣхавъ 20—30 верстъ, кормчій шняки велитъ отдавать якорь. Спускаютъ камень съ веревкой, къ которой привязываютъ первый тюкъ. Когда камень достигнетъ дна на глубинѣ 60—150 саженъ, то говорятъ, что одна нога поставлена; затѣмъ наживщикъ начинаетъ насаживать на крючки рыбешку и судно медленно удаляется отъ ноги. Нажививъ тюкъ, къ нему привязываютъ другой, нажививъ этотъ, привязываютъ третій и т. д. Выбросивъ половину взятыхъ тюковъ, ставятъ вторую ногу и выметываютъ остальные тюки. При послѣднемъ тюкѣ ставится третья нога; за нее чалится шняка и стоитъ въ теченіе отлива и прилива, т.-е. 12 часовъ, или, какъ говорятъ поморы, двѣ воды. Послѣ этого времени тяглецъ выбираетъ ярусъ и развязываетъ его на тюки, а наживщикъ снимаетъ рыбу и глушитъ снасти. Глушить—это откладывать въ сторону орестеги и обматывать ими крючки такъ, чтобы послѣдніе не спутывали ярусъ.

По пріѣздѣ на берегъ, рыбу тотчасъ начинаютъ раздѣлывать и солить. Тяглецъ отрѣзаетъ головы, пластаетъ и вѣшаетъ для сушки на колья, а потомъ сушеныя головы продаются для корма скота колонистамъ въ пользу покручниковъ. Туловище рыбы поступаетъ къ кормщику; онъ клепикомъ (длинный ножъ) дѣлаетъ по длинѣ хребта такой разрѣзъ, что половинки держатся на брюшной части, при чемъ внутренности, конечно, вываливаются сами по себѣ, ихъ подбираетъ наживщикъ, отдѣляетъ печень и кладетъ въ чаны, гдѣ чрезъ броженіе отстаивается сало. Рыба же относится прямо въ судно, складывается въ костры и пересыпается по каждому ряду солью.

— Нужда въ соли у васъ имѣется?—спросилъ я.

— Огромная,—отвѣчалъ одинъ поморъ.—Продаютъ соль фактористы и назначаютъ цѣны, какія хотятъ. Свѣжей рыбу держать не годится, потому сейчасъ духъ дастъ, ну, и беремъ иной разъ за пудъ рыбы пудъ соли. Соль у насъ употребляется привозная, аглицкая; она крупная, крѣпкая и невареная. Скажемъ, пудъ съ покупкой и доставкой стоитъ фактористу 10—15 коп., а продаетъ 30—40 коп. И даемъ, безъ нея дѣло стало.

— Какъ безъ соли, нельзя, невозможно!!—раздались голоса, но тотчасъ умолкли, и окружавшая толпа разступилась.

Пришелъ урядникъ и поздоровался со мной.

— Я слышалъ, что въ Териберкѣ устроенъ складъ казенной соли?—продолжалъ я спрашивать.

— Былъ разговоръ, а склада что-то не видно,—сказалъ кто-то изъ поморовъ.

Тутъ вмѣшался урядникъ.

— Вѣрно,—обратился онъ ко мнѣ,—три года, какъ отпущено на это дѣло 30 тысячъ рублей. Насчетъ соли начальство выкинуло умнѣйшую штуку. Оно взяло да и объявило, что въ становищѣ будетъ продаваться казенная соль по 20 коп. за пудъ. Фактористы струсили и понизили свою соль до этой цифры. А какъ понизили, то не для чего стало и хлопотать о продажѣ казенной соли.

Не знаю, умно ли сдѣлало начальство, но только и теперь промышленники покупаютъ соль выше 20 коп. пудъ. Понятно, что солью они дорожатъ и кладутъ ея на пудъ рыбы лишь 5 фунтовъ, поэтому нѣкоторыя части рыбы, особенно у костей, плохо просаливаются, разлагаются и даютъ рыбѣ скверный запахъ. Объ этомъ я пробовалъ замѣтить поморамъ.

— Какая у васъ вонючая треска.

Промышленники молчали и что-то переглядывались.

Урядникъ наклонился ко мнѣ и вполголоса сказалъ:

— Это имъ не по сердцу, не любятъ, когда говорятъ такъ о трещечкѣ. Они васъ стѣсняются, а другимъ всегда отвѣчаютъ: «та рыба не воняетъ, которая въ морѣ гуляетъ да хвостикомъ виляетъ».

— А какія цѣны бываютъ здѣсь на треску?

— Разныя: отъ 50 коп. до 1 рубля за пудъ,—пояснилъ какой-то старикъ.—Съ цѣнами намъ, баринъ, бѣда. Здѣсь рыба поднимается тогда, когда въ Архангельскѣ предлагаютъ за нее дорого. Къ примѣру, въ эту недѣлю продавали по полтинѣ, такая цѣна давалась и въ городѣ. Въ другую—цѣна дошла до семи гривенъ, а намъ неизвѣстно, мы все валимъ по полтинѣ. Когда мы узнаемъ высокую цѣну, то въ городѣ она еще стала выше. Такимъ манеромъ, убытокъ явный. Вѣдь покупатель-то знаетъ архангельскую цѣну, да намъ не сказываетъ. Иной разъ въ Гавриловѣ извѣстны городскія цѣны, а у насъ, въ Териберкѣ, дня три продаютъ рыбу по старымъ цѣнамъ. Это все одно, какъ съ наживкой. Сидимъ недѣлями безъ дѣла, ловить не на что, потомъ узнаемъ, что наживку ловятъ рядомъ въ становищѣ. Такъ же и насчетъ лововъ. Ходъ трески отъ насъ черезъ два, три становища, а намъ объ этомъ никто не скажетъ, сидимъ мы, сложа руки, и думаемъ, что рыбы нигдѣ нѣтъ.

Я указалъ поморамъ на казенный пароходъ, который обязанъ слѣдить на Мурманѣ за порядкомъ, сообщать по становищамъ о ходѣ рыбы, о ловахъ наживки и проч.

— Знаемъ мы оченно хорошо, какую помощь даетъ пароходъ,—говорилъ чей-то голосъ.—Раза два въ лѣто онъ бываетъ у становища. Пріѣдетъ на немъ изъ Колы его благородіе, постоятъ на якорѣ, справятъ для себя дѣло и опять въ городъ.

— Какое дѣло?

— Его благородіе морошку съ молокомъ до страсти любитъ, такъ пріѣзжаетъ къ колонистамъ покупать ягоды и молоко. Вотъ все тутъ и дѣло, а насчетъ того, чтобы сказать, гдѣ идетъ рыба, въ какой губѣ ловится наживка—ни Боже мой!

— Да есть ли пароходу время-то заниматься этимъ!—замѣтилъ другой поморъ.—Почитай, до половины лѣта онъ красится то въ Архангельскѣ, то въ Соловкахъ, а то и въ Норвегіи.

— А какъ тресковый промыселъ: больше или меньше становится съ каждымъ годомъ?

— Какъ можно сравнить нынѣшніе годы съ прежними? Прежде говаривали старики, какъ вытягаютъ ярусъ, такъ рыбы не вмѣстить въ шнякѣ: головы отрубали и бросали въ воду, чтобъ лишняго груза не было, или на веревку навяжутъ и тянутъ къ берегу плотомъ. Одно слово, рыба была ни почемъ, дешевле хлѣба, соли. Разсудите сами, пудъ трески продавали по 10—12 коп.

— Отчего же теперь хуже попадается рыба?

— А кто ее знаетъ? Думаемъ, что больше стала держаться голымени, куда на нашихъ посудинахъ опасно забираться.

— Значитъ, рыба больше удаляется въ глубину?

— Надо полагать. Десятки лѣтъ назадъ сталъ вдоль берега ходить звѣрь «кожа». Какъ только начнутся ловы. и пойдетъ она гужомъ изъ Бѣлаго моря къ Норвегіи, высунется по грудь изъ воды и тянется, словно солдаты, рядами, головъ въ сто и болѣе. Тогда рыбы званія нѣтъ, вся прыснетъ отъ береговъ въ голымень, да и ловиться-то начинаетъ помаленьку недѣли черезъ двѣ. Потомъ обратно поворачивается эта самая «кожа» къ Новой Землѣ на зимовку и опять туряетъ рыбу. Просто наказаніе намъ съ этимъ звѣремъ.

— Вы бы придумали какъ нибудь избавиться отъ него.

— Есть средство—стрѣлять звѣря, да много не убьешь, а его здѣсь какая уйма. Вотъ ежелибъ сѣтями ловить, куда какъ пользительно: словить можно не мало, значитъ рыбѣ покойнѣе; опять же и промыселъ будетъ отъ сала.

— Такъ что же вы думаете?

— Эхъ, баринъ... Бѣднымъ хозяевамъ не подъ силу заводить сѣти, а богатые все собираются ловить «кожу», да годъ за годъ откладываютъ; авось, говорятъ, звѣрь куда нибудь пропадетъ самъ, вѣдь не было его раньше. А ужъ и размножился онъ до страсти. Слышно нынче, что купецъ Антоновъ изъ Кеми ладитъ по веснѣ ловить «кожу».

Впослѣдствіи я встрѣтилъ на пароходѣ этого купца и говорилъ съ нимъ по поводу тюленьяго промысла на Мурманѣ. Онъ купилъ для этой цѣли въ Норвегіи двѣ яхты и четыре лодки, заплативъ за нихъ 13 тысячъ рублей. Г. Антоновъ намѣренъ ходатайствовать

предъ правительствомъ о сложеніи портовой пошлины. На Мурманѣ я видѣлъ другого купца, г. Савина, который думаетъ также истреблять «кожу», но съ тѣмъ, однако, что онъ купитъ за границей пароходъ, застрахуетъ его и чтобы правительство выдало ему подъ полисъ ссуду въ размѣрѣ 75 процентовъ съ застрахованной суммы. Кромѣ того, мнѣ передавали, что ловить «кожу» и сбывать продуктъ безпошлинно желаетъ также богатый крестьянинъ Кошкинъ. Какъ бы то ни было, эти предприниматели—народъ русскій; но я слышалъ и даже получилъ отъ одного помора письменное заявленіе, что въ русскихъ водахъ намѣрены заниматься тюленьимъ промысломъ норвежцы, и что этому намѣренію сочувствуетъ мѣстная администрація. Лѣтъ шесть назадъ установленъ былъ фактъ, что два норвежскихъ судна охотились въ нашихъ водахъ на «кожу» и вывезли болѣе 10.000 шкуръ нерпа.

Толпа поморовъ вокругъ меня росла; стали раздаваться крики и голоса пьяныхъ. Я отвелъ въ сторону урядника и спросилъ:

— Скажите, кабаковъ на Мурманѣ нѣтъ, ввозъ норвежскаго рома запрещенъ, гдѣ напивается этотъ людъ?

— Хлѣба не найдутъ, а водки сколько угодно,—убѣдительно отвѣтилъ полицейскій.

— Откуда же, интересно?

— Выписываютъ водку хозяева: крупные—для продажи своимъ покручникамъ, а мелкіе—для всѣхъ вообще въ становищѣ. Поэтому мелкихъ хозяевъ я называю мурманскими шинкарями.

— Вѣдь вы обязаны подавлять это зло.

— Я строго преслѣдую, составляю протоколы и отправляю по начальству, но все-таки торгуютъ, ничего не подѣлаешь.

— При какихъ же условіяхъ продается водка?

— На деньги покручникъ покупаетъ за 60—80 коп. бутылку, а больше беретъ въ долгъ и платитъ 1 рубль. Шинкарь здѣсь наживаетъ на водкѣ 100—150 рублей въ теченіе промысла.

— Вѣдь водка вредитъ рабочему.

— Очень даже. Вредитъ и промыслу, и семьѣ, и самому покручнику. Онъ на Мурманѣ не знаетъ никакихъ законовъ, ничего не признаетъ и называетъ себя «вольнымъ казакомъ». Случится брань, драка—опасно вмѣшиваться; каждый носитъ финскій ножъ и въ запальчивости не задумается пустить его въ ходъ. Трудно водворять порядокъ. Что можно сдѣлать, если я одинъ, безъ всякихъ подручныхъ, и притомъ на нѣсколько становищъ?

Снова подойдя къ поморамъ, я спрашивалъ у нихъ о салотопняхъ. Вообще на Мурманѣ салотопни дѣйствуютъ трехъ родовъ: паровыя, водяныя и простыя. Первыхъ очень мало, такъ какъ онѣ очень дороги, хотя сало въ нихъ выдѣляется изъ печенокъ въ 20 минутъ. Вторыхъ больше; въ нихъ сало отстаивается чрезъ $3^1/_2$ часа. Вмазывается въ печь котелъ, и въ него вставляется другой,

меньшихъ размѣровъ. Налитая между котлами вода нагрѣвается до 45 град. и способствуетъ выдѣленію сала. Третій родъ салотопенъ—самый распространенный. Ставится открытый чанъ, куда валится печень отъ всякой рыбы, не очищенная ни отъ крови, ни отъ кишекъ. Тамъ печень квасится, судя по погодѣ 2—4 недѣли. Подъ вліяніемъ воздуха и солнечной теплоты происходитъ броженіе, во время котораго печень разлагается, гніетъ, бурлитъ, пузырится и распространяетъ убійственную вонь. На дно падаютъ кишки и разная ткань; надъ подонками образуется сало, а поверхъ него плаваетъ сильно зловонная пѣнка, состоящая изъ кровеносныхъ сосудовъ и не успѣвшихъ подвергнуться броженію печенокъ. Изъ такихъ салотопенъ получается темное сало-сыротопъ, продающееся по 3 рубля за пудъ. Напротивъ, въ паровыхъ и водяныхъ салотопняхъ выгоняется чистое сало, называемое медицинскимъ; оно сбывается по 6 рублей за пудъ.

Послѣднимъ моимъ вопросомъ былъ вопросъ о зуйкахъ. Зуекъ, вѣчно грязный, неряшливый, имѣетъ старый кафтанъ, сапоги съ ногъ отца или дяди и 1—2 ситцевыхъ рубахи. Онъ питается остатками отъ обѣда взрослыхъ и спитъ на полу, въ чану, въ бочкѣ. Опредѣленныхъ рабочихъ часовъ для зуйка не существуетъ, отдыхомъ пользуется только тогда, когда бываетъ шняка въ морѣ. По возвращеніи судна, зуекъ садится за работу и отвиваетъ крючки безъ отдыха цѣлыми сутками, получая за тюкъ по одной трескѣ. Въ это время несчастный мальчикъ часто служитъ забавою для покручниковъ, которые надъ нимъ смѣются, потѣшаются и придумываютъ самыя смѣхотворныя мѣры, чтобы утомленный зуекъ не впадалъ въ сонъ. Иные жестокосердые хозяева заставляютъ зуйковъ работать непрерывно до тѣхъ поръ, пока не отовьютъ всѣхъ снастей. Работа продолжается дни и ночи, и мальчики настолько переутомляются, что тутъ же у снастей засыпаютъ или уходятъ къ болѣе сострадательнымъ хозяевамъ, а иной разъ, набравшись храбрости, являются къ урякнику и жалуются на жестокое обращеніе съ ними хозяевъ.

— Какъ же вы поступаете съ этими зуйками?—спросилъ я урядника.

— Водворяю къ прежнему хозяину, потому что не разберешь: кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ. Вѣдь зуекъ глупый мальчикъ, шаловливый, надо же наставлять на разумъ.

— Такъ точно! Баловный! Сладу нѣтъ!—подтверждали голоса, принадлежащіе, вѣроятно, хозяевамъ.

Такимъ образомъ, съ апрѣля и почти до осени вращается мальчикъ среди пьяной, сквернословной толпы, безъ присмотра, призора и малѣйшихъ какихъ либо добрыхъ поученій, за исключеніемъ нашихъ чисто народническихъ—надавать подзатыльниковъ, оттаскать за уши, надрать виски. Въ такой бытовой атмосферѣ изъ зуйка,

какъ извѣстно, выработывается впослѣдствіи покручникъ. Возмужавъ, поморъ, конечно, твердо помнитъ свое дѣтство и поэтому не мѣшаетъ поколѣнію подниматься въ такой же обстановкѣ, въ какой онъ самъ выросъ, ходя на Мурманъ въ качествѣ зуйка.

Въ 15-ти верстахъ отъ Териберки пароходъ остановился у колоніи и становища Заоленье. Это поселеніе, хотя пріютилось на самомъ берегу, но отъ вѣтровъ его защищаетъ островъ Кильдинъ, образующій съ мурманскимъ берегомъ узкій коридоръ. Колонія новая, всего въ два двора, съ тремя русскими работниками, занимающимися тресковымъ промысломъ. Въ становищѣ промышляютъ до 200 пришлыхъ поморовъ, выѣзжая въ океанъ на 60-ти судахъ.

Проѣхали еще 15 верстъ и достигли колоніи Кильдинъ, расположенной на островѣ того же названія. Въ колоніи одинъ дворъ и 6 работниковъ (сыновья колониста). Сюда пришелъ въ 1880 году норвежецъ Эриксонъ, и болѣе въ колоніи никто не желалъ селиться, такъ что онъ одинъ и хозяйничаетъ на Кильдинѣ 16 лѣтъ, словно владѣтельный князь. Никакими промыслами Эриксонъ не занимается, а ведетъ исключительно скотоводство, которое состоитъ изъ 7 коровъ, 15 овецъ и 40 оленей. Сѣно колонисты косятъ на островѣ и собираютъ до 50 возовъ; строевой лѣсъ покупаютъ на судахъ, а вмѣсто дровъ употребляютъ кустарникъ. Семья Эриксона говоритъ понорвежски, никакихъ отношеній съ русскими не имѣетъ и дѣло ведетъ въ Норвегіи.

Когда мы миновали островъ Кильдинъ, онъ представлялъ величественный видъ: съ западной стороны берегъ остро вдавался въ океанъ и поднимался буквально прямою стѣною, по крайней мѣрѣ, не ниже 600 футовъ.

На 7-й верстѣ встрѣтили колонію Зарубиху, съ однимъ дворомъ, но хозяинъ его совсѣмъ куда-то ушелъ и оставилъ на произволъ судьбы свою землянку.

Далѣе, до Кольской губы, обозначающей конечный пунктъ восточнаго мурманскаго берега, ни колоній, ни становищъ больше не попадалось. Слѣдовательно, по восточному берегу, имѣющему предѣльными точками св. Носъ и Кольскую губу, разбросано девять постоянныхъ колоній, возникшихъ въ теченіе болѣе полувѣка. Да, притомъ, какія это колоніи: четыре въ 9—30, а остальныя въ 1—6 дворовъ. Среди избъ попадаются землянки, но и деревянныя избы незавидныя: тѣсныя, черныя, курныя. Скотоводство здѣсь крайне печальное, главнымъ источникомъ существованія является тресковый промыселъ, но и онъ ведется на традиціонныхъ началахъ, на тѣхъ судахъ и тѣми рыболовными снарядами, которые удержались съ начала промысла. За исключеніемъ одного финляндца и норвежскаго двора, колонисты всѣ русскіе, вышедшіе изъ бѣломорскихъ селеній. Нѣкоторые изслѣдователи сѣвера говорятъ, что колонисты такіе крестьяне, которые отвержены обществомъ за лѣнь и пьян-

ство. Это невѣрно. Мнѣ, какъ бывавшему въ Бѣломорьѣ, хорошо извѣстно, что этотъ людъ, страшно обѣднѣвъ отъ безработицы на родинѣ, покидаетъ ее въ поискахъ за кускомъ хлѣба. Религіозность поддерживается двумя церквами; грамотность замѣчается тоже въ двухъ колоніяхъ; остальныя колоніи, какъ отдѣляющіяся длинными неудобными путями, тонутъ въ косности и невѣжествѣ.

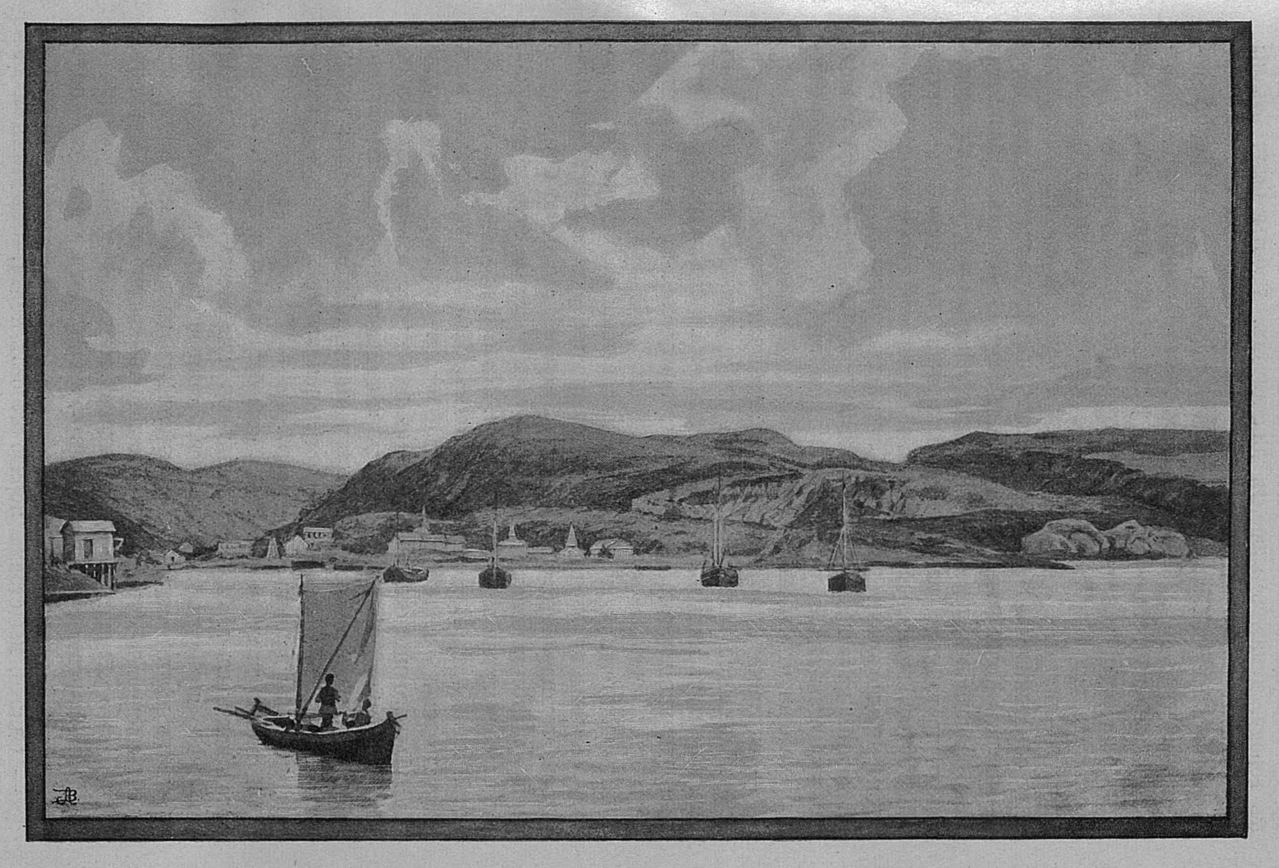
III.

По другую сторону Кольской губы тянется зазападный Мурманскій берегъ и оканчивается рѣкой Ворьемой, впадающей въ Варангерскій заливъ. Въ этой губѣ много маленькихъ бухтъ, въ которыхъ нашли себѣ мѣсто девять коло ній: Грязная, Рослякова, Бѣлокаменная, Варламова, Средняя, Тюва, Екатерининская гавань Сайда и Торосъ. Океанскій пароходъ доставилъ меня въ Екатерининскую гавань; въ ней я пробылъ сутки. Любопытно было посмотрѣть мѣстность, гдѣ предполагается построить самый сѣверный городъ, подъ именемъ, какъ я слышалъ еще въ Петербургѣ, Екатерининской Колы. Бухта будущаго города узкая, но глубокая, съ высокими берегами, дугообразпая. Подъ уклономъ праваго берега раскинулись строенія, принадлежащія колонистамъ и пароходному обществу.

— Зачѣмъ общество содержитъ здѣсь дома?—спросилъ я сторожа.

— Одинъ пароходъ зимуетъ въ гавани, такъ живутъ матросы,—отвѣчалъ онъ.—Съ марта тянутся промышленники на весенніе промыслы, ну, пароходъ и возитъ ихъ по становищамъ.

На одномъ зданіи я прочелъ предупрежденіе, которымъ строго воспрещалось ломать деревья и тѣмъ паче рубить. Я смотрѣлъ во всѣ стороны и никакихъ деревьевъ не видалъ. Должно быть, предупрежденіе заботилось насчетъ кустарника по берегамъ, да и тотъ былъ низкорослый, изуродованный суровымъ климатомъ и подпочвеннымъ камнемъ. За скалами лѣваго берега открывается долина,— избранное мѣсто, на которомъ въ ближайшемъ будущемъ возникнетъ новый городъ. Насколько тверда здѣсь почва, самъ я въ этомъ лично не убѣждался, но мнѣ разсказывали люди, работавшіе при изслѣдованіи плотности ея. Сверлили буравомъ на 56 футовъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не могли добраться до твердаго грунта. Тогда же у изслѣдователей явилось предположеніе, что на этомъ мѣстѣ было когда-то озеро, какія и теперь существуютъ по сосѣдству въ глубинѣ материка. Озеро годъ отъ году мелѣло, заволакивалось тиной, заростало травой и, быть можетъ, черезъ вѣка образовалась наглядная сушь; тѣмъ не менѣе, озеро тянетъ къ себѣ заросли, тянетъ, конечно, такъ незначительно, что невозможно примѣтить осадка, Но когда будетъ городъ, черезъ нѣкоторое время на постройкахъ можетъ отразиться видимое втягиваніе, въ смыслѣ искривленій, вро-



Становище Еретики.

станій въ землю и даже разрушеній. Скалы, затрудняющія доступъ къ городу, думаютъ взорвать динамитомъ. Работы были отданы норвежскому инженеру, отъ котораго въ гавань прибыли уже изъ Норвегіи и рабочіе, а вслѣдъ за ними пріѣхалъ и промѣрщикъ, состоявшій въ Вадзэ школьнымъ учителемъ. Говорили, что динамитныя работы извѣстны норвежцамъ болѣе, чѣмъ кому либо, и притомъ они, новержцы, согласились взорвать скалы дешевле, нежели предлагали наши инженеры, но въ какихъ размѣрахъ выражалась разница—никто не могъ сказать, да и врядъ ли, кромѣ нанимателя, кому она извѣстна. Передавали также, что въ городъ будетъ переведена изъ Колы вся администрація, будутъ отдаваться безплатно дома свободнымъ переселенцамъ; для передвиженія грузовъ черезъ городъ протянутся рельсы, а двухмѣсячная мгла уступитъ электрическому освѣщенію. Въ отношеніи же снабженія горожанъ прѣсною водою, предположено углубить ближайшую рѣчку и придвинуть ее къ долинѣ канализаціоннымъ способомъ. Вообще, я слышалъ утѣшительные отзывы объ устройствѣ новаго города, только климатическія условія что-то не хвалятъ.

— Страшное дѣло, баринъ,—разсказывалъ мнѣ колонистъ.—Зимою подниметея такая мятель, что свѣту Божьяго не видно. А къ осени пойдутъ сильные вѣтры съ дождемъ. Какъ задуетъ и начнетъ рвать да метать, того и гляди изба кувырнется въ воду. Ежели-бъ не горный берегъ—спасенія нѣтъ.

Изъ Екатерининской гавани я отправился на шлюпкѣ къ пароходу «Казенному», который стоялъ въ 5-ти верстахъ отъ Колы. Оказалось, что пароходъ собирался въ Вардэ за динамитомъ и попутно взять въ Мотовскомъ заливѣ шняку съ телеграфною проволокой, чтобы сбуксировать ее въ колонію Малую Мотку, находящуюся въ одной изъ бухтъ Варангерскаго залива. Поэтому онъ легко могъ меня доставить во всѣ колоніи Кольской губы, Мотовскаго залива и Рыбачьяго полуострова. «Казенный» — пароходъ небольшой съ низкою кормою. Машина и уголь занимаютъ въ немъ громадное мѣсто, такъ что на долю пассажировъ приходятся коморки; только для «его благородія» имѣется отдѣльная каюта и даже съ предупредительною дощечкой его имени.

И теперь ѣхалъ на пароходѣ «его благородіе» и, кромѣ того, молодой человѣкъ г. Ш., собиравшій въ Мурманскомъ краѣ цѣны на рыбу. Его я видѣлъ въ восточныхъ становищахъ, но онъ все время скрывалъ цѣли своего уполномочія, тѣмъ не менѣе я узналъ, что г. Ш. собираетъ свѣдѣнія для какого-то предпріятія на Мурманѣ, затѣваемаго обществомъ архангельской желѣзной дороги.

Долго пароходъ не снимался съ якоря, хотя былъ уже подъ парами.

— Однако, мы стоимъ порядочно безъ толку,—замѣтилъ я капитану изъ отставныхъ моряковъ.

— Всегда такъ, какъ онъ съ нами, а онъ когда не ѣдетъ?.. Ни одного разу не пропуститъ.

— Кто такой—онъ?

Капитанъ наклонился и, улыбаясь, отвѣтилъ:

— Лапландскій правитель. Онъ копается въ своей каютѣ. Видѣли, гдѣ дощечка прибита?

Я утвердительно кивнулъ головой, а капитанъ продолжалъ:

— Мы его приказаній слушаемъ. Сегодня онъ, навѣрно, прокопается десять часовъ.

— Это почему же?

— Какъ почему?! Человѣкъ вы изъ Петербурга, надо начальство разыграть, не уронить своего достоинства—хитрый старикъ.

— Ну, пусть его,—сказалъ я и перемѣнилъ разговоръ на болѣе существенную тему.—Скажите, капитанъ, что дѣлаетъ вашъ пароходъ на Мурманѣ?

— Вотъ сегодня поѣдемъ въ Норвегію за динамитомъ, по пути завеземъ въ Мотку проволоку, тамъ еще кой-что подвернется.

— Это теперь, а въ началѣ навигаціи?..

— Тогда буксировали телеграфные столбы отчасти...

— То-есть, какъ отчасти?

— Не всегда. Потому что столбы идутъ плотомъ, сильно упорствуютъ; такой ходъ портитъ машину. Возимъ въ необходимыхъ случаяхъ. На это есть буксирный пароходъ мурманскаго общества «Кандалакша».

— Прекрасно. А въ прошломъ году чѣмъ занимались?

— Мало ли чѣмъ. Доставляли въ становища чиновъ, стояли у Колы, ходили въ докъ чиниться, опять ѣздили кое-куда, работы было достаточно,—уклонялся отъ прямаго отвѣта капитанъ.

— А сколько стоитъ содержаніе парохода въ годъ?

— Оно обходится казнѣ въ 16 тысячъ. Но министерству внутреннихъ дѣлъ извѣстно, что здѣсь все крайне дорого.

На этихъ словахъ насъ прервалъ «правитель» приказаніемъ отправляться въ путь. Пароходъ тронулся. При встрѣчѣ со мною «правитель» сразу началъ съ того, что лѣтъ десять назадъ статистика по Архангельской губерніи составлялась дутая и только, благодаря его трудамъ, хотя невмѣненнымъ ему въ обязанность начальствомъ, она получила правдивую окраску.

— Прежде, знаете, какъ было?—говорилъ онъ.—Цифра колоніямъ, дворамъ, скоту проставлялась дома: въ одинъ годъ отбросятъ справа ноль, въ другой — прибавятъ два, въ третій передвинутъ прочія цифры. А у меня все обслѣдовано на мѣстѣ, все добыто лично отъ колонистовъ и сельской администраціи. Я съ любовью отнесся къ этому дѣлу, за то и начальство не пустило меня со службы, когда я хотѣлъ уйти въ отставку. Вотъ, батенька, не угодно ли позаимствовать? Онъ принесъ папку и вынулъ изъ нея внушительныхъ

размѣровъ тетрадь; затѣмъ, подавая мнѣ ее, сказалъ:—здѣсь вы найдете мельчайшія подробности.

Я поблагодарилъ и отказался отъ «заимствованій».

— Напрасно гнушаетесь. Кто до васъ здѣсь проѣзжалъ, всякій списывалъ отсюда.

Я объяснилъ «правителю», что его свѣдѣнія, быть можетъ, и прекрасны, но чужой статистики я вообще сторонюсь, а собираю самъ данныя и интересуюсь лично побывать въ колоніяхъ.

Колоніи Кольской губы расположены другъ отъ друга въ 5—15 верстахъ. Всѣ онѣ въ 1—3 двора, только одна Сайда имѣетъ 5 дворовъ. Избы большею частью земляныя, поэтому грязь, спертый вонючій воздухъ царятъ въ нихъ круглый годъ. Населеніе преимущественно финляндское. Колонисты ловятъ треску на поддевъ, удочкой. Остановится ловецъ среди губы на карбасѣ, заброситъ грузило съ крючкомъ и дергаетъ уду, пока не зацѣпитъ треску за спину или брюшко. Промышляютъ также семгу, ловя ее неводами и сѣтками. Скотоводство въ колоніяхъ, конечно, весьма скудное, но у финляндцевъ замѣчается его развитіе. У одного колониста въ Варламовѣ есть до 500 оленей, которые составляютъ для него важную доходную статью. Лѣсу строеваго совсѣмъ нѣтъ, дровянаго мало; хлѣбъ дорогъ, питаются соленой и сушеной треской.

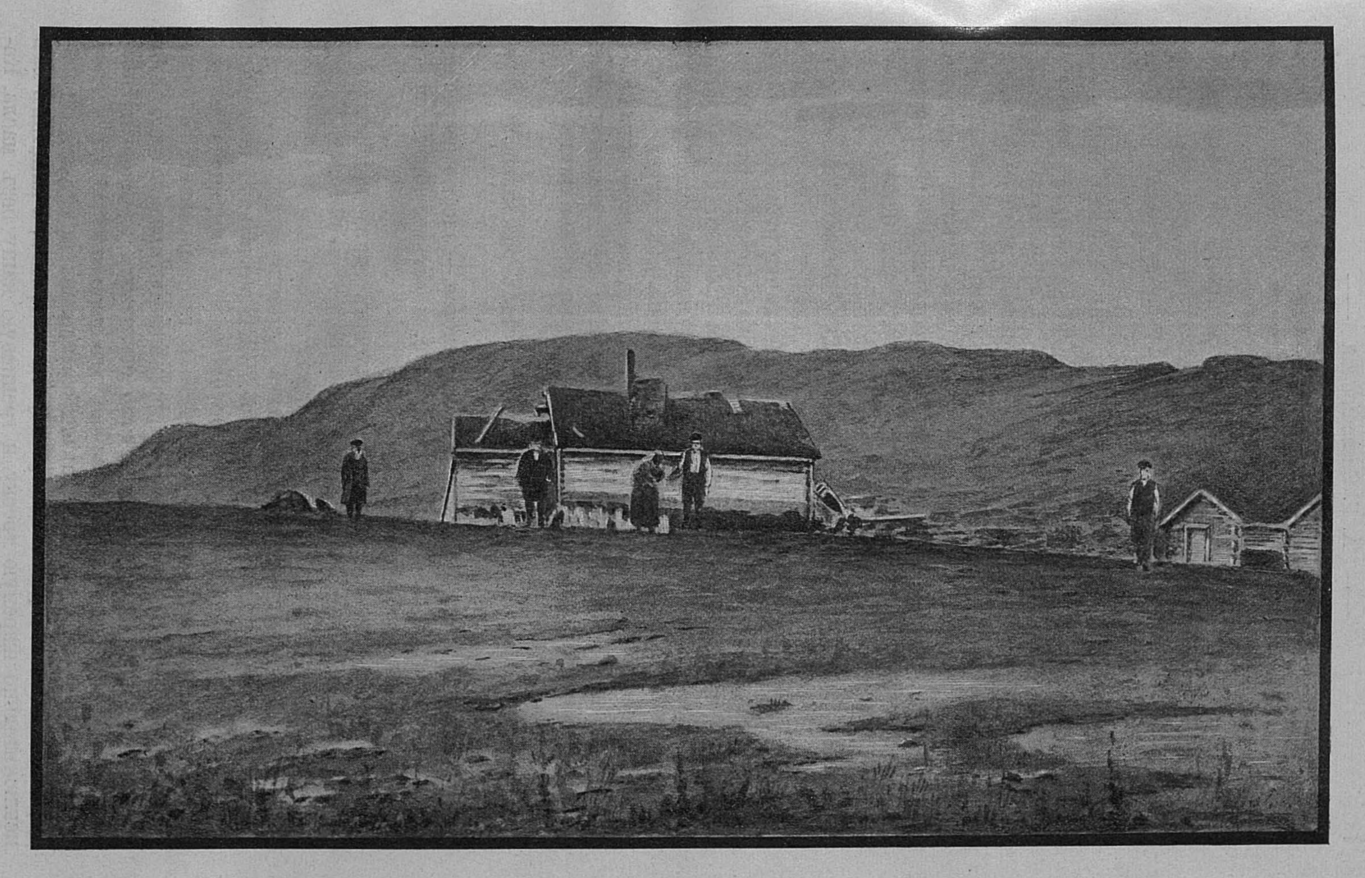
Изъ кольскихъ колоній обращаетъ на себя вниманіе Средняя, въ которой два двора—финляндскій и русскій. У перваго большой домъ, прочный, красивый, совсѣмъ какъ въ городѣ. Внутри обширная комната; по стѣнамъ висятъ картины; на столѣ бронзовые часы скатерть, посуда. Когда я вошелъ съ матросами къ колонисту, послѣдній довольно чисто порусски предложилъ мнѣ вина, сигаръ, сыру; причемъ оказалось, что вино норвежское, сигары гамбургскія, сыръ шведскій. Былъ я и въ кладовой финляндца для покупки консервовъ, видѣлъ тамъ соль, треску, семгу, кильки, сардины, бифштексы, котлеты въ жестянкахъ, чай, сахаръ—словомъ, довольно приличный съѣдобный, а также и красный товаръ. При уходѣ, колонистъ просто меня озадачилъ, когда предложилъ мнѣ, не желаю ли я купить въ дорогу двѣ-три парочки бутылокъ мадеры, хересу, портвейну, рому. Надо было удивляться, кто можетъ въ такой глуши покупать изысканные предметы. Я пріобрѣлъ у финляндца сигаръ, консервовъ и вина, а матросы купили 10 ф. чаю по 65 к. и 1 ф. въ 2 рубля.

— Куда вамъ столько чаю?—спросилъ я матросовъ, возвращаясь на пароходъ.

— Это не намъ, а его благородію,—отвѣчалъ одинъ изъ нихъ.— Да и онъ покупаетъ не для себя.

— Для кого же?

— Ладитъ выдавать норвежцамъ, что пріѣхали въ гавань для городскихъ работъ. Они на чай не берутъ; у нихъ такое заведеніе,



Колонія Малая Мотка.

чтобы хозяинъ ихъ даромъ поилъ чаемъ. Ихъ 20 человѣкъ привалило — чаю надо не мало. Вотъ онъ смѣшаетъ дешевый сортъ съ дорогимъ, и сойдетъ въ лучшую.

— Развѣ «его благородіе» считается хозяиномъ по постройкамъ?

— Надо думать. Онъ принимаетъ, отпускаетъ, расчетъ чинитъ. Что говорить — ворочаетъ, — пояснилъ матросъ, сдѣлавъ особенное удареніе на послѣднемъ словѣ.

Тѣмъ временемъ мы подошли къ жилищу русскаго колониста. Это была землянка; кругомъ ни кола, ни двора, а внутри ни ложки, ни плошки. Бѣдность, убожество, нищета, наложили на всемъ печать. Насъ встрѣтила старуха, мать колониста, и горько плакала. Она разсказывала, что переселились они сюда съ надеждой заполучить отъ казны «пособіе», на которое разсчитывали построить избу, купить корову, завести карбасъ, рыболовныя снасти и жить своимъ хозяйствомъ, ловя въ морѣ рыбку. Сынъ послалъ по начальству прошеніе о пособіи, и прошло два года, а отвѣта все нѣтъ. Нынѣ онъ подалъ вторично, но семья мало питаетъ надежды на благопріятный исходъ, больше склонна къ тому, что изъ этого дѣла ничего путнаго не выйдетъ. Между тѣмъ, землянка рушится, помощи ниоткуда нѣтъ, сынъ ушелъ далеко на ловли, просто «кусить нечего». Вслѣдствіе такого положенія старуха просила:

— Добрый баринъ, скажи ты тамъ, кому надо, о нашей нищетѣ, закинь словечко насчетъ пособія; вѣдь изморились, ожидаючи его. Помоги, родненькій, вѣчно будемъ Бога молить за твою милость.

Я объяснилъ старухѣ, что эти дѣла скоро не дѣлаются: наведутъ справки, заслушаютъ прошеніе, составятъ, напишутъ и, вѣроятно, семья получитъ просимое.

Вернулся я на пароходъ удрученный и сталъ разсказывать «правителю» о русской семьѣ.

— Много ихъ тутъ вонючихъ переселяется,— злобно возразилъ онъ, даже не выслушавъ меня до конца, и затѣмъ обратился къ матросамъ:—Ну, что, привезли?

Матросы отвѣтили утвердительно, причемъ одинъ прибавилъ:

— 3-хъ рублей не хватило.

— Ладно, подождетъ. А баранъ какъ?

— Не нашлось подходящаго,—былъ отвѣтъ.

Вскорѣ пароходъ тронулся дальше. Сѣли обѣдать. Я поставилъ на столъ вино и замѣтилъ, что оно куплено у финляндца въ колоніи Средней, между тѣмъ законъ 1876 г. о дарованіи мурманскимъ колонистамъ льготъ едва ли разрѣшаетъ продажу имъ иностранныхъ винъ. «Правитель», видимо, согласился со мною и снисходительно вставилъ: «за всѣми не угоняешься». Обѣды у насъ были разные: мнѣ и г. Ш. подавали обыкновенныя блюда, «правитель» аппетитно истреблялъ морошку съ молокомъ, а капитанъ ѣлъ исключительно жареную треску и гречневую кашу безъ масла. Ка-

питанъ въ этомъ отношеніи оказался оригиналомъ: кромѣ трески и каши, онъ круглый годъ никакой больше пищи не употребляетъ.

Мы выѣхали изъ Кольской губы, которая считается едва ли не самой большой по длинѣ изъ всѣхъ губъ океана. Въ концѣ губы довольно тепло; берега низкіе, сплошь покрытые луговою растительностью. Часто попадаются березки, сосны, словомъ съ береговъ все смотритъ весело, нарядно. По мѣрѣ удаленія температура понижается и даетъ ясное понятіе, что вы приближаетесь къ океану. Берега постепенно повышаются и какъ бы стряхиваютъ съ себя лишнюю флору. Травы уже не имѣютъ вида зеленаго ковра, а виднѣются только въ логахъ между скалами. Деревья встрѣчаются и ниже, и рѣже; сама же губа становится шире и чаще вдается въ материкъ малыми бухтами. Еще дальше — и навстрѣчу вѣетъ уже рѣзкимъ холодомъ. Скалистые берега чужды всякой растительности. Фонъ ихъ бурый, мѣстами съ темнозелеными пятнами, которыхъ не могутъ смыть вѣковые дожди. Наконецъ, губа развертывается во всю ширь, и открывается путь въ Ледовитый океанъ.

Пароходъ повернулъ на западъ въ Мотовской заливъ. Въ бухтахъ этого залива водворилось семь колоній: Кислая, Ура, Ара, Малая и Большая Лица, Большая Мотка и Эйна. Изъ нихъ двѣ послѣднія на сѣверномъ берегу, а прочія — на южномъ. Есть въ заливѣ также два лѣтнихъ становища, безъ колоній: Еретики и Титовка. Въ первомъ мы остановились тотчасъ же послѣ входа въ заливъ.

Становище заключается въ двухъ большихъ станахъ, построенныхъ на берегу маленькой бухты. Здѣсь я нашелъ четырехъ промышленниковъ и нѣсколько зуйковъ.

— Какъ ловится? — спросилъ я поморовъ.

— Жаловаться нечего, слава Богу,— отвѣчалъ одинъ изъ нихъ.— Да, вѣдь намъ какая съ лововъ польза, развѣ вотъ за хорошій уловъ хозяинъ похвалитъ.

— Почему нѣтъ пользы?

— Мы ловимъ изъ жалованья, въ покручникахъ не состоимъ Пройдетъ лѣто, тамъ сколько ни словили, а денежки ряженыя подавай.

— Сколько же получаете?

— Работникъ, къ примѣру, 50 рублей, зуекъ — 15 рублей въ лѣто. Насъ тутъ съ зуйками до 80 человѣкъ наберется, служимъ только двумъ норвежскимъ хозяевамъ, Пильфельду и Кнюцену.

— Какъ продовольствуетесь?

— Все хозяйское: харчи, посудины, снасти.

Отсюда я отправился на китобойный заводъ, стоящій неподалеку отъ становища. Заводъ прекратилъ свои операціи, но при немъ сохранились всѣ постройки, машины, приспособленія. Нынѣшній владѣлецъ, г. Гебель, разсказывалъ, что китобойное предпріятіе погубили

управители, которые насчетъ завода больше бражничали, чѣмъ старались развить выгодное дѣло. Убивъ кита, они не думали объ интересахъ предпріятія, а разсчитывали, сколько онъ дастъ имъ бутылокъ шампанскаго. Затѣмъ, въ недалекомъ разстояніи слѣдовали колоніи, изъ которыхъ въ Малой и Большой Лицахъ проживаетъ смѣшанное населеніе, а въ остальныхъ водворились исключительно финляндцы. Впрочемъ, въ самой большой Урѣ (25 дворовъ) попробовалъ поселиться русскій, но онъ вскорѣ былъ вытѣсненъ финляндцами. Въ финляндскихъ колоніяхъ говорить порусски никто не умѣетъ, да и на родномъ языкѣ финляндцы сообщаютъ свѣдѣнія вяло и неохотно. Колонисты занимаются ловомъ трески на яруса и уды, но скотоводство здѣсь ведется настолько хорошо, что считается едва ли не первой доходной статьей въ быту. Особенно оно развито въ Урѣ, гдѣ имѣется до 120 коровъ и 300 овецъ и оленей. Каждый дворъ уплачиваетъ казнѣ 30 копеекъ лѣсного налога и за это пользуется правомъ вырубать годовую пропорцію: 7 бревенъ, 6 жердей и 4 кб. с. дровъ. Весною колонисты берутъ хлѣбъ въ своемъ магазинѣ въ кредитъ, а осенью, когда онъ подешевѣетъ, покупаютъ въ Колѣ, уплачиваютъ долгъ магазину и запасаютъ до весны. Въ общемъ здѣшніе колонисты живутъ хорошо: избы прочныя; внутри чисто, опрятно. Въ концѣ Мотовскаго залива я любовался становищемъ Титовскимъ, этимъ живописнымъ и бойкимъ уголкомъ крайняго сѣвера. На берегахъ его чувствуется совсѣмъ какъ будто не на сѣверѣ: высокихъ, угрюмыхъ скалъ нѣтъ, и коегдѣ виднѣются отдѣльно небольшіе камни. Берега сплошь покрыты мелкимъ сыпучимъ пескомъ, а выше тянутся отлогіе зеленые луга и уходятъ куда-то въ даль. Разговоръ и крики рыбаковъ, засолка и раздѣлка трески, приходъ съ океана и уходъ въ голымень судовъ—все это придавало становищу рѣдкую оживленность.

Въ Титовскомъ промыселъ производится безъ той пресловутой «покруты», которая глубоко пустила злые корни на нашемъ восточномъ Мурманѣ. Здѣсь ловятъ на артельныхъ началахъ, каждый изъ равной части. Выловленную рыбу артель дѣлитъ поровну, причемъ хозяинъ судна со снастями пользуется такою же долей. Такъ, судохозяинъ, не выѣзжавшій на промыселъ, получаетъ, что и одинъ промышленникъ, а выѣзжавшій—двѣ доли. Въ становищѣ работаетъ 150 рыбаковъ и 60 мальчиковъ, на 70 судахъ. Артели проживаютъ въ 12 досчатыхъ станахъ, которые на зиму отдаются подъ охрану ближайшимъ лопарямъ.

— Кому вы рыбу сбываете?

— Продаемъ тутъ же купцу Хипатову,—отвѣчалъ одинъ изъ поморовъ.—Онъ изъ Колы, занимается 13 лѣтъ этимъ дѣломъ. У него въ становищѣ свой домъ, двѣ салогрѣйки.

— А кто вамъ съѣстные припасы доставляетъ?

— Все онъ же, Хипатовъ. Муку везетъ изъ Колы и ставитъ 6 р.—6 р. 50 к. куль, а припасы идутъ отъ него изъ Архангельска.

Колонія Печенга.

Оборотистый купецъ и для насъ хорошій. Цѣны на рыбу ставитъ хорошія, а на припасы беретъ маленькую прибыль. Вонъ церковь ладитъ соорудить въ становищѣ, ужъ и фундаментъ положенъ.

Изъ Титовскаго мы проѣхали 6 верстъ, чрезъ заливъ, и попали въ Мотовскую губу, гдѣ по берегамъ въ 1—2 верстахъ разбросаны землянки—это была колонія Большая Мотка съ 12-ю финляндскими дворами. Кромѣ скотоводства и рыбной ловли, колонисты занимаются охотой на нерповъ и ловятъ акулъ.

По сѣверному берегу мы завернули въ маленькую колонію Эйну, которую слѣдуетъ отмѣтить потому, что въ ней всего одинъ женскій дворъ. Въ 1860 году поселился въ Эйнѣ норвежецъ Дренеръ съ сыномъ, но оба умерли и теперь хозяйствомъ управляетъ вдова, а работниками у нея три дочери. Женщины содержатъ 4 коровы и 40 овецъ и оленей; ловятъ на поддевъ треску и сѣтками въ р. Эйнѣ семгу.

Изъ Мотовскаго залива мы отправились въ объѣздъ Рыбачьяго полуострова. Едва вышли въ океанъ, какъ насъ встрѣтилъ штормъ. Пароходъ стало раскачивать съ боку на бокъ, точно въ люлькѣ. Чрезъ нѣкоторое время вѣтеръ рвалъ сильнѣе, производя грозное волненіе. Волны одна за другой бѣжали чрезъ палубу, и мы шли, такъ сказать, подъ водой. Плескъ, удары волнъ сливались со страшнымъ ревомъ океана. На пароходѣ то что-то треснетъ, то съ грохотомъ упадетъ. Бодрость уступала страху, который все больше овладѣвалъ нами, состояніе было слишкомъ угнетенное; тутъ вспоминалось все дорогое—и суша, и родные, и семья. Къ счастью, мы шли въ эту ужасную бурю недолго и завернули въ колонію Ципъ-Наволокъ, гдѣ переждали штормъ.

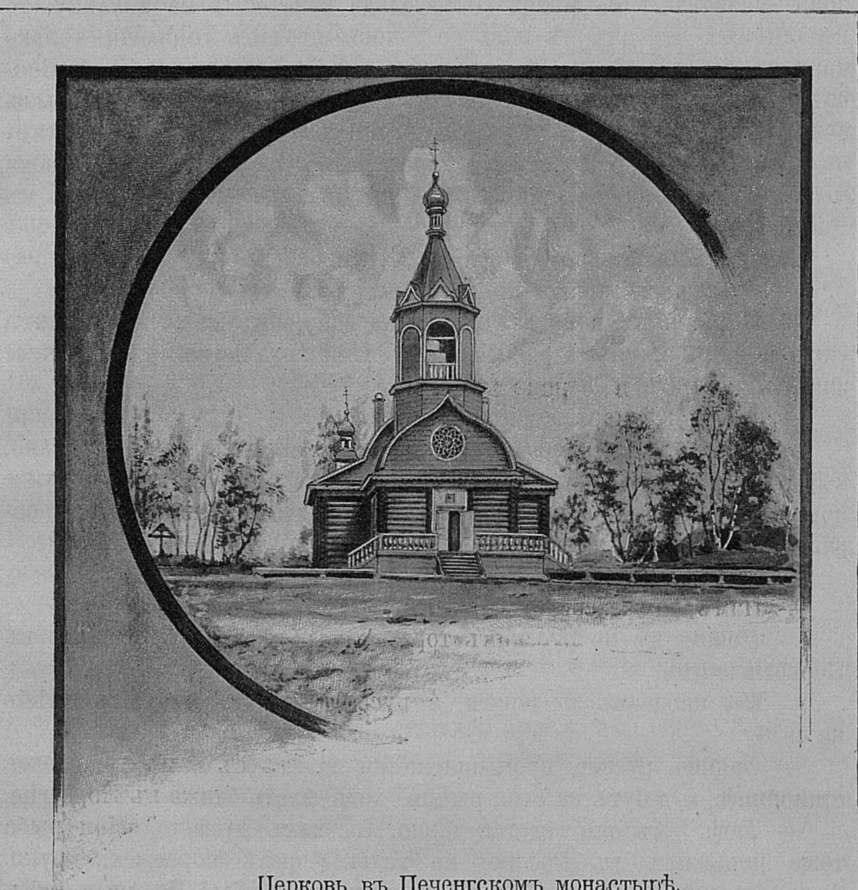
Въ этой колоніи населеніе норвежское, проживаетъ въ 8 дворахъ. По разведенію скота (45 штукъ), зажиточности, замкнутой жизни, колонія скорѣе похожа на финляндскія колоніи.

Здѣсь я обратилъ вниманіе на особыя строенія и спросилъ о нихъ у сопровождавшаго меня матроса, такъ какъ изъ колонистовъ никто порусски не говорилъ. Оказалось, что ранѣе въ Ципъ-Наволокѣ существовало большое становище, куда стекались поморы на весенніе промыслы. О прежней промышленной жизни краснорѣчиво говорили уцѣлѣвшіе рыбацкіе станы, больница, православный храмъ и пр. Въ 20 верстахъ отъ Ципъ-Наволока мы миновали цѣпь Зубовскихъ острововъ съ колоніей Зубовской, изъ одного финляндскаго двора. Въ этой колоніи я видѣлъ также рыбацкіе станы, но теперь становище заброшено промышленниками.

Проѣхавъ еще 30 верстъ, мы приблизились къ колоніи и становищу Вайдо-Губа, лежащимъ на самомъ сѣверѣ Рыбачьяго полуострова. Становище это служитъ такимъ же главнымъ промышленнымъ пунктомъ весною на западномъ Мурманѣ, какъ Гаврилово и Териберка,—лѣтомъ на восточномъ. Въ мою бытность становище,

конечно, бездѣйствовало, станы были заколочены, но весною оно привлекаетъ до 1000 рыбаковъ и 170 зуевъ. Промышляютъ на 200 посудинахъ, грузится болѣе 25 судовъ треской.

Въ колоніи 3 норвежскихъ и 8 финляндскихъ дворовъ, поселившихся съ 1865 года. Колонисты занимаются рыболовствомъ, скотоводствомъ и живутъ безбѣдно. На берегу меня встрѣтилъ колонистъ норвежецъ Пильфельдъ, слывшій за перваго богача на Мурманѣ. Онъ пригласилъ меня въ свой домъ, прекрасный по внѣшности и внутри. Дома мнѣ былъ предложенъ столъ, уставленный всевозможными питіями и яствами норвежскаго произведенія. Самъ Пильфельдъ старался быть крайне любезнымъ и даже приниженнымъ, видимо, заподозрѣвъ во мнѣ лицо, почему-то могущее имѣть офиціальныя притязанія къ его дѣламъ на Мурманѣ. Я раньше



Церковь въ Печенгскомъ монастырѣ.

слышалъ о Пильфельдѣ многое. Онъ записался русскимъ колонистомъ, выучился русскому языку, попалъ въ печенгскіе волостные старшины и свилъ на русской территоріи прочное гнѣздо. У него не мало промышленныхъ и грузовыхъ судовъ, не мало рыболовныхъ снастей, свои станы, образцовое хозяйство. Въ семьѣ Пильфельда никто не обмолвится русскимъ словомъ; дѣти обучаются въ Норвегіи, и самъ онъ обрѣтается тамъ постоянно, чувствуя себя какъ дома—словомъ, если жизнь Пильфельда вывернуть на изнанку, то несомнѣнно, что онъ съ ногъ до головы преданъ Норвегіи, только карманъ его толстѣетъ отъ русскихъ силъ и на русской землѣ. Впослѣдствіи я видѣлъ Пильфельда въ Норвегіи, но тамъ онъ былъ совсѣмъ не тотъ: въ Норвегіи этотъ русскій колонистъ отвѣчалъ мнѣ неохотно, говорилъ заносчиво, съ пренебреженіемъ, сводя мысленно обращеніе со мной къ одному: «вѣдь мы съ вами не въ Россіи».

Сидя у Пильфельда въ колоніи, я спросилъ его:

— У васъ работаютъ покручники?

— Нѣтъ, я въ поморьѣ народа не беру, онъ ко мнѣ приходитъ самъ и нанимается въ работники. У меня жить легко и сытно; иные живутъ по пяти и больше лѣтъ.

— Отчего же норвежцевъ не берете?

— Нашъ людъ требовательный; подавай имъ свинину, сало, кофе; русскій же человѣкъ доволенъ хлѣбомъ да треской; къ тому же норвежцы больше способны ловить на поддевъ, а на русскомъ берегу ловятъ ярусами.

— А рыбу гдѣ продаете?

— Намъ ближе сбывать норвежскимъ купцамъ.

— Почему же не русскимъ торговцамъ: вѣдь ихъ бываетъ въ Норвегіи сотни?

— Мы продаемъ за деньги, а русскіе больше мѣняютъ хлѣбъ на рыбу.

— Однако, русскіе промышленники ловятъ съ вами въ одномъ становищѣ, а везутъ на свои рынки, хотя ѣхать ближе въ Норвегію.

— Такъ ужъ оно ведется давно. Вы какъ думаете? Моя рыба тоже попадаетъ въ Россію, но только чрезъ норвежскія руки. Архангельскіе рынки требуютъ очень много рыбы. На нихъ сбывается весь уловъ русскихъ береговъ, а также и нашихъ, особенно низшій сортъ рыбы.

— Какой же лучшій сортъ?

— Это хорошо очищенная, безъ хребтовой кости, треска; она солится и вялится на солнцѣ. Такой сортъ называется лабарданомъ, русскіе приготовляютъ его мало, а изъ Норвегіи онъ идетъ въ Италію и Францію.

— Ваша колонія сѣверная; я думаю, климатическія условія здѣсь тяжелыя?

— Особенно жаловаться грѣшно. Зимою не бываетъ выше 20°, зато лѣтомъ жаркій день считается съ 15°. Вѣтеръ и бури очень часты; зимою при вѣтрѣ морозъ становится невыносимъ. И растительность порядочная: колонисты накашиваютъ сѣна для всего скота. Садятъ картофель, и выростаетъ. Я пробовалъ выращивать редиску, тоже растетъ, но поспѣваетъ поздно.

Затѣмъ Пильфельдъ показывалъ мнѣ свое хозяйство. Я видѣлъ хлѣвы, конюшни (у него двѣ лошади) съ деревянными полами, особыми мѣстами для каждаго животнаго и всѣми удобными приспособленіями для лежки и корма скота. Смотрѣлъ также помѣщенія для рабочихъ, кухню и печь, выпекающую въ сутки куль ржаной муки. Всюду замѣчались удобства и чистота. Въ концѣ концовъ, Пильфельдъ сталъ угощать меня даже шампанскимъ.

Изъ Вайдо-Губы мы поѣхали на югъ, вдоль восточнаго берега Варангерскаго залива, мимо двухъ финляндскихъ колоній: Земляной (40 дворовъ) и Червляной (11 дв.).

Одинъ изъ колонистовъ водилъ насъ внутрь полуострова и указывалъ на залежи кроновой краски. Мы пришли къ небольшой безъименной рѣчкѣ, шумно бѣжавшей въ каменистыхъ берегахъ. По фарватеру неслась чистая прозрачная вода, но у береговъ, соприкасаясь съ грунтомъ, она окрашивалась въ пурпурный цвѣтъ. На берегахъ подъ камнями лежитъ кроваво-красный слой песку, который настолько густо смѣшанъ съ крономъ, что достаточно бросить горсть песку въ рѣчку, какъ вода тотчасъ побагровѣетъ. Вообще берега этой рѣчки изобилуютъ краской, никому еще, вѣроятно, неизвѣстной своимъ мѣсторожденіемъ.

При дальнѣйшемъ пути, мы спустились въ юго-восточный уголъ залива, гдѣ нашли колонію Малую Мотку, съ 4 норвежскими дворами. Здѣсь только одинъ дворъ приписной, а остальные колонисты проживаютъ съ десятокъ лѣтъ по паспортамъ.

За колоніей, на открытой полянѣ, виднѣлись палатки, у которыхъ копошились люди, собираясь, точно солдаты, куда-то въ походъ. Это былъ телеграфный станъ.

— Очень кстати подъѣхали, господа. Здравствуйте, — привѣтствовалъ насъ телеграфный чиновникъ.

— Почему такъ?—спросилъ кто-то изъ насъ.

— Въ этой губѣ мы работы уже окончили, и надо перебираться въ другую. У насъ рабочіе, провіантъ, инструменты, и все это приходится переправлять на двухъ карбасахъ—безъ буксировки невозможно. Вотъ и сидимъ у моря да ждемъ погоды. Теперь вы насъ подтащите въ слѣдующую губу.

Чиновникъ отдалъ приказаніе рабочимъ, и карбасы быстро стали нагружаться разными принадлежностями стана. Я вступилъ въ разговоръ съ чиновникомъ.

— Скажите, большая линія ведется?

— Немаленькая. Телеграфное сообщеніе существуетъ до г. Кеми, а нынѣ линія пойдетъ отъ Кеми на Кандалакшу, Колу; отсюда предполагается проложить три вѣтви: на Гаврилово, Вайдо-Губу и до норвежскаго телеграфнаго пункта. Я работаю на послѣдней вѣтви и иду теперь на колонію Печенгу.

— Трудно работать?

— Очень даже. Случается утверждать столбы на высокихъ ска-

Домъ общежитія въ Печенгскомъ монастырѣ.

лахъ; тамъ выбивать ямы медленно и тяжело, солнце виситъ надъ головой и палитъ весь день. Просто съ рабочими не сбиться; иные отказываются отъ работъ и не берутъ меньше 20 рублей въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ. При проведеніи линіи въ Вайдо-Губу, у моего товарища рабочіе забастовали, онъ хотѣлъ ихъ удержать невыдачей жалованья, такъ они безъ получки сбѣжали. Значитъ, нелегко.

Наконецъ, всѣ собрались, и пароходъ повелъ на буксирѣ два баркаса съ живымъ и мертвымъ грузомъ. Надо было отыскать губу

Потайную и оставить тамъ грузъ. Прошли 2 — 3 версты и повернули обратно, будто бы прозѣвали искомую губу. Присматривались, приглядывались къ берегу, а губы нѣтъ какъ нѣтъ. Телеграфный чиновникъ безпрестанно кричалъ съ карбаса, что губа гдѣ-то здѣсь, гдѣ-то очень близко отъ колоніи Малой Мотки. Снова сдѣлали оборотъ, проѣхали слишкомъ 6 верстъ, а губы все-таки не нашли. Капитанъ вывелъ заключеніе, что губа Потайная вполнѣ отвѣчаетъ своему названію, и для ея отысканія потребуется немало времени.

Гостиница въ Печенгскомъ монастырѣ.

Рѣшили подтащить карбасы поближе къ берегу и предоставить розыски спрятавшейся губы самому чиновнику.

Выѣзжая изъ Маломотовской губы, мы съ интересомъ наблюдали, какъ тучами проходила рыба сайда, преслѣдуемая массою чаекъ. Послѣднія съ жадностью впивались когтями въ добычу, вытаскивали ее изъ воды и уносились въ высь. Рыба укрывалась всевозможными способами: плескала по водѣ хвостомъ, кувыркалась, прыгала.

Пріѣхавъ въ Печенгскую губу, я оставилъ пароходъ, такъ какъ онъ отсюда направлялся чрезъ Варангерскій заливъ за динамитомъ

въ Вардэ, а я намѣренъ былъ побывать въ населенныхъ пунктахъ южнаго берега этого залива. Здѣсь ходитъ пароходъ мурманскаго общества «Трифонъ», дѣлая рейсы отъ Печенгской губы вдоль русскаго берега до г. Вадзэ, а тамъ передаетъ пассажировъ, ѣдущихъ въ Вардэ, на норвежскій пароходъ.

Печенгская губа вдается въ материкъ узкою полосою, съ малоскалистыми берегами, покрытыми густою травою и кустарникомъ. Въ этой губѣ, какъ и Кольской, водворилось нѣсколько колоній: Печенга, Гагарка, Баркина, Княжуха, Трифонова и Оленья Горка.

Колоніи скучились въ концѣ губы; онѣ имѣютъ отъ 6 до 26 дворовъ и населены корельскими православными колонистами. Жизнь въ печенгскихъ колоніяхъ держится тѣмъ же скотоводствомъ и рыбными промыслами, какъ и въ другихъ колоніяхъ. Я пожелалъ осмотрѣть здѣсь монастырь, о которомъ слышалъ ранѣе, какъ о самой глухой сѣверной обители; монастырь стоитъ въ сторонѣ, въ 18 верстахъ отъ колоніи, и потому я взялъ лошадей въ Печенгѣ.

Монастырь составляютъ старая и новая деревянныя церкви, братское общежитіе, гостиница и надворныя службы. Онъ живописно раскинулся на р. Печенгѣ, которая быстро несетъ чистыя воды среди высокихъ песчаныхъ береговъ въ морскую губу.

При мнѣ въ Печенгской обители насчитывалось до 40 человѣкъ братіи; изъ нихъ одинъ игуменъ, 4 іеромонаха, 3 іеродіакона и 7 неслужащихъ монаховъ; остальную часть составляютъ послушники и тѣ «годовики», которые, по данному обѣту, приходятъ въ монастырь и работаютъ въ теченіе года по доброй волѣ, безплатно. Сѣнокосы здѣсь прекрасные; есть огороды, гдѣ растетъ картофель, лукъ и пр.

Изъ скота содержится 8 коровъ и 5 лошадей. Чего не хватаетъ въ продольственномъ отношеніи, то привозится изъ Соловецкаго монастыря, которому подчинена обитель. Проводить по монастырю и указать его примѣчательности любезно предложилъ мнѣ казначей о. Эммануилъ. Я осмотрѣлъ ризницу, ходилъ по церквамъ и въ новой, между прочимъ, обратилъ вниманіе на жернова.

— Объ этихъ жерновахъ,—замѣтилъ о. казначей,—существуетъ преданіе. Въ XVI столѣтіи иновѣрцы разорили въ Колѣ монастырь. Изъ него пришелъ сюда извѣстный просвѣтитель лапландскаго народа, преп. Трифонъ, и для основанія храма принесъ на себѣ эти жернова. Онъ построилъ храмъ и началъ было крестить мѣстныхъ лопарей, но закоренѣлые вожаки идолопоклонства сугубо его преслѣдовали; проповѣдникъ удалился и скрывался въ пещерахъ. Одна изъ такихъ пещеръ сохранилась и понынѣ на берегу губы Пазы, подъ именемъ Трифоновой.

— Слѣдовательно Трифонъ далеко удалился, потому что Паза лежитъ въ предѣлахъ Норвегіи.

Пазрѣцкій погостъ. Церковь св. Бориса и Глѣба.

— Да, вѣдь они, нехристи, какъ надъ нимъ издѣвались-то. Попробуйте спросить у лопаря, почему у него лысая голова, онъ непремѣнно отвѣтитъ, что случилось это отъ Бога въ наказаніе, зачѣмъ ихъ предки нападали на Трифона, оказывали ему презрѣніе и трепали его за волосы. А все-таки гоненія прекратились, и Трифонъ сталъ явно проповѣдывать христіанскую вѣру. Потомъ открыто поселился въ Печенгской губѣ и тамъ вскорѣ, на мѣстѣ нынѣшней колоніи Печенги, основалъ монастырь во имя св. Троицы, гдѣ спасалось до 100 монаховъ.

— Что же сдѣлалось съ этимъ монастыремъ?

— Когда начались на сѣверѣ войны, къ обители приплыли на корабляхъ шведы и, какъ ни сопротивлялись монахи, непріятель перерѣзалъ ихъ, разграбилъ монастырь и сжегъ его до основанія. Да, я вамъ сейчасъ представлю вещественное доказательство. Пожалуйте за мною,—добавилъ о. Эммануилъ и повелъ меня въ угловое помѣщеніе церкви; здѣсь онъ указалъ на витрину, гдѣ лежалъ обуглившійся кусокъ изъ сплава какого-то металла и пережженой кости.

— Смотрите, что мы нашли. Въ Печенгѣ вынимали землю и откопали вотъ это самое. Теперь ясно, что монастырь былъ сожженъ, а съ нимъ сгорѣла и убогая братія.

— Для чего же тамъ рыли землю?

— А разрѣшено перенести туда Печенгскій монастырь. Конечно, какъ перенести?.. Здѣсь все упразднятъ, а тамъ построятъ вновь. Уже камень доставленъ подъ бутъ, заводъ кирпичный поставленъ, на немъ работаютъ «годовики».

— Что же съ колонистами будетъ?

— Ихъ избы монастырь относитъ на свой счетъ въ другія колоніи, а имъ и ладно. У другого хата старая; къ ней бревешекъ прибавятъ, сложатъ и будетъ новая. Все это орудуетъ нашъ игуменъ. Монахъ онъ нестарый, изворотливый; тамъ, въ Питерѣ, онъ знаетъ, кто можетъ жертвовать деньгами, кто лѣскомъ,—однимъ словомъ,—человѣкъ ходовой.

Затѣмъ мы ходили съ домъ общежитія, монастырскую гостиницу для богомольцевъ и на сѣнокосы.

Въ гостиницѣ о. Эммануилъ предложилъ мнѣ обѣдъ, такой вкусный и сытный, что стоитъ привести его меню. Подавали: селедку съ лукомъ, малосольную семгу, холодное со свѣжими огурцами и свѣжей семгой, щи изъ кислой капусты съ палтусиной и семгой,—кашу пшенную и морошку со сливками. За обѣдомъ о. казначей угощалъ меня какимъ-то старымъ виномъ, довольно вкуснымъ и крѣпкимъ. При послѣднемъ блюдѣ онъ замѣтилъ:

— Эта ягода—испытанное средство противъ цынготныхъ заболѣваній. У насъ ея заготовляется въ прокъ изрядное количество, и братія ѣстъ ее въ сушеномъ, вареномъ и моченомъ видѣ. И нынѣ

Городъ Кола.

нашъ игуменъ отсутствуетъ по той причинѣ, что находится на Аинскихъ островахъ, гдѣ наблюдаетъ за сборомъ морошки. Онъ сегодня хотѣлъ вернутьси; можетъ быть, повидаете его.

Вскорѣ послѣ обѣда, поблагодаривъ о. Эммануила за любезный пріемъ, я уѣхалъ изъ монастыря и игумена не дождался.

На обратномъ пути, въ Печенгѣ, къ моему удивленію, меня встрѣтила цѣлая толпа колонистовъ, снимая шапки и низко кланяясь.

— Зачѣмъ вы собрались?

— Прошеніе подать! жалобу принести!—раздались голоса; причемъ одинъ колонистъ приблизился ко мнѣ и подалъ листъ бумаги. Въ немъ они жаловались на Соловецкій монастырь и поясняли, что, послѣ того, какъ ему разрѣшили построить въ Печенгѣ новую обитель, онъ переноситъ изъ нея дворы въ другія колоніи и незаконно обездоливаетъ послѣднія въ отношеніи покосовъ, лѣсовъ и семужьихъ лововъ на р. Печенгѣ. Больше сѣтовали на игумена, который будто бы безъ всякаго права завладѣлъ Аинскими островами, издавна принадлежавшими имъ, колонистамъ, и приносившими хорошій доходъ по сбору морошки и сѣна.

— Вы бы обратились къ мѣстнымъ властямъ,—посовѣтовалъ я имъ.

— Было дѣло. Посылали прошеніе не разъ—ни слуху ни духу,—говорила толпа.

— Еще пошлите, и, вѣроятно, разслѣдуютъ.

— Толку-то въ посылкѣ никакого, поэтому мы къ вамъ лично. Защитите; у монастыря—сила, а мы—народъ темный.

— Я не имѣю права входить въ разборъ жалобы,—отвѣчалъ я, и мнѣ оставалось только пожалѣть бѣдныхъ тружениковъ, хотя жалоба ихъ была справедлива.

На пароходъ «Трифонъ» я попалъ къ вечеру и, утомленный, легъ спать. Вдругъ ночью меня будитъ прислуга и сообщаетъ, что ко мнѣ пріѣхалъ печенгскій игуменъ. Я вышелъ въ общую каюту, гдѣ, правда, сидѣлъ монахъ, въ сообществѣ лѣснаго генерала и среднихъ лѣтъ дамы, которая, какъ говорили послѣ, не одинъ годъ совершаетъ путешествіе изъ Крыма на сѣверъ съ единственною цѣлью побывать въ Печенгскомъ монастырѣ.

— Вамъ, кажется, жаловались колонисты?—спросилъ меня игуменъ.

— Не только «кажется», но и на самомъ дѣлѣ жаловались.

— Этакій людъ неблагодарный. Начальство разрѣшило снести Печенгу во имя будущаго монастыря—и, конечно, мы и расселяемъ ихъ на свой счетъ; строимъ имъ избы, помогаемъ въ хозяйствѣ, ставимъ, такъ сказать, ничего неимущпхъ на ноги, а они что? за благо воздаютъ зло, жалуются, клевещутъ. Ну, и алчный народъ эти колонисты!

Игуменъ, видимо, долго бы распространялся касательно причиняемаго колонистами «зла», но я поспѣшилъ замѣтить, что съ моей стороны прямого и существеннаго отношенія къ жалобѣ рѣшительно нѣтъ, и поэтому лица, заитересованныя въ недовольствѣ колонистовъ, могутъ быть вполнѣ спокойны; затѣмъ я извинился и вышелъ.

Изъ Печенгской губы и отправился по Варангерскому берегу. Здѣсь образовалось четыре маленькихъ колоніи со становищами: Малонѣмецкая, Столбовая, Фильманская и Ворьсма. Первая лежитъ сейчасъ же за поворотомъ изъ Печенгской губы, а послѣднія расположились въ 27 верстахъ отъ первой и отдѣляются другъ отъ друга разстояніемъ въ $^1/_2$—1 версту. Въ колоніяхъ водворилось по 1—3 двору и притомъ со смѣшаннымъ населеніемъ; только въ Фильманской проживаетъ одинъ семейный норвежецъ, Кнюценъ, считающійся вторымъ богачемъ на русскомъ Мурманѣ. У него есть въ трехъ становищахъ все для промысловыхъ операцій: наемные работники, промысловыя и мореходныя суда, станы, рыболовныя снасти; есть такъ же пароходъ съ неводами для лова наживки. Кнюценъ—тотъ же Пильфельдъ, тотъ же колонистъ, ничего общаго съ русской колонизаціей не имѣющій. Впрочемъ, можно указать между ними разницу лишь въ томъ, что послѣдній добился выборной сельской власти, завелъ у себя въ колоніи хозяйство, такъ сказать, старается казаться русскимъ колонистомъ, а первый, напротивъ, дѣйствуетъ прямо, безъ всякой маскировки. Кнюценъ физическаго труда никакого не несетъ, равно не несетъ такого труда и семейный работникъ, сынъ его. Отецъ играетъ роль владѣльца промысла, а сынъ исполняетъ обязанности приказчика. Женскій полъ въ семействѣ норвежца сѣна не убираетъ, за скотомъ не ходитъ, снастей не отвиваетъ, а, разодѣтый въ модные наряды, катается на пароходѣ изъ Фильманскаго въ Норвегію и обратно, какъ бы съ дачи въ городъ. Колонистскій дворъ Кнюцена представляетъ отличный домъ, со всевозможными приспособленіями, удобствами и прекрасной обстановкой. Дѣти обучаются въ Норвегіи, поэтому русскій языкъ чуждъ для всей семьи. Послѣ всего этого, какой же Кнюценъ—колонистъ мурманскаго берега! Разумѣется, приписка въ колонисты для него важна въ томъ отношеніи, чтобы имѣть возможность свободно вести промышленныя дѣла въ русскихъ владѣніяхъ, а отнюдь не въ томъ, чтобы преслѣдовать осѣдлую жизнь, какъ это дѣлаютъ прочіе переселенцы. Вотъ онъ и ведетъ дѣла съ 1870 г., ведетъ на славу, богатѣетъ, блаженствуетъ—словомъ, Кнюценъ матеріально крѣпко привязанъ къ нашему отечеству, а нравственно весь преданъ интересамъ Норвегіи.

Что же касается варангерскихъ становищъ, то они малы по промышленной производительности и состоятъ большею частью изъ земляныхъ становъ; въ нихъ промышляетъ отъ 20 до 60 человѣкъ

и непремѣнно лѣтомъ. Во всѣхъ становищахъ рыбаки придерживаются системы «покрута» за исключеніемъ Малонѣмецкаго, гдѣ ловятъ лопари на артельныхъ условіяхъ.

Отъ колоніи Ворьсмы, стоящей на пограничной рѣкѣ съ тѣмъ же названіемъ, начинается уже норвежскій берегъ и, какъ извѣстно, западный русскій Мурманъ кончается. Сравнивая его съ восточнымъ, увидимъ нѣкоторую разницу. Первый по числу колоній больше, зато самыя колоніи перваго населены гуще. По національности въ восточныхъ колніяхъ преобладаютъ русскіе, а въ западныхъ—финляндцы. Скотоводство сильно развито на западномъ берегу, потому что тамъ чаще встрѣчаются отлогія мѣста, съ травою; напротивъ, восточный берегъ скалистѣе, раскидывается внутрь материка тундрами и больше способствуетъ оленеводству. Относительно рыбной промышленности слѣдуетъ сказать, что на западномъ побережьѣ ярусами ловятъ рѣже, а распространенъ способъ удебный.

Что же касается пришлыхъ поморовъ, то весною ихъ появляется на западномъ Мурманѣ до 1.000 человѣкъ а, съ наступленіемъ лѣта, $^{2}/_{3}$ этого количества переселяется на восточный берегъ.

Отъ колоніи Ворьсмы мы проѣхали около 60 верстъ до губы Пазы, и пароходъ бросилъ якорь. Я отправился на шлюпкѣ къ самой сѣверной православной церкви, сооруженной во имя св. Бориса н Глѣба. Сначала путь лежалъ по губѣ, потомъ по р. Пазрѣкѣ, представляющей собою два плеса. На высокихъ скалистыхъ берегахъ попадались красивые дачные домики, изъ которыхъ впослѣдствіи на пароходъ сѣло много норвежцевъ, ѣхавшихъ въ Вадзэ. Норвежскія владѣнія простираются до половины второго плеса и обозначаются столбомъ, сложеннымъ на берегу изъ камней. За этимъ столбомъ на правомъ берегу прячутся въ густомъ березнякѣ старая и новая церкви, и тутъ же въ низинѣ скрывается Пазрѣцкій погостъ лопарей, а за нимъ снова начинается Норвегія. Такимъ образомъ, русское селеніе съ церквами стоитъ на концѣ узкой полоски, и попасть въ него лѣтомъ нельзя иначе, какъ черезъ норвежскую территорію.

Въ погостѣ я встрѣтилъ священника отца Константина, который любезно пригласилъ меня къ себѣ. Прежде всего батюшка выразилъ сожалѣніе, что въ Пазрѣцкую мѣстность очень мало заглядываютъ русскіе, а больше являются иностранные путешественники и живутъ по нѣсколько дней. Такъ, три года назадъ пріѣзжали два англичанина и пробыли, живя въ грязной лопарской вежѣ, цѣлое лѣто, лишь изъ одного только удовольствія ловить въ Пазрѣкѣ семгу.

— Я десять лѣтъ веду книгу,—сказалъ священникъ,—и прошу путешествующихъ записывать свои фамиліи.—Онъ подалъ мнѣ книгу и прибавилъ:—Не угодно ли полюбопытствовать — все иностранные гости.

Правда, стояли англійскія, французскія, голландскія имена; записалъ и я свою фамилію.

— Да, англичанинъ и французъ—народъ любопытный, любознательный,—снова заговорилъ батюшка, смотря безцѣльно въ открытую книгу.—Вѣдь надо же притащиться, скажемъ, изъ Лондона за такимъ пустякомъ, какъ половить семгу. Поди, нашего русака и за дѣломъ не прогонишь.

Я вполнѣ согласился съ отцомъ Константиномъ и прибавилъ, что проѣхалъ весь Мурманъ, останавливался, жилъ въ колоніяхъ, а встрѣтилъ одну только русскую даму изъ Крыма, между тѣмъ иностранцевъ видѣлъ нѣсколько.

— Вотъ и теперь,—сказалъ я,—остались на пароходѣ два моло-

Лопарская тупа.

дыхъ англичанина. Со мною они ѣдутъ отъ Печенгской губы; дорогою все заглядываютъ въ морскую карту, дѣлаютъ въ книжкахъ помѣтки, набрасываютъ карандашомъ рисунки нашихъ судовъ. Да, кстати сказать, варангерскій берегъ небезъинтересенъ въ международномъ отношеніи, какъ русско-норвежская граница.

— Охъ, ужъ эти границы,—вздохнулъ батюшка.—Мнѣ извѣстно по документамъ—въ половинѣ XVI вѣка царь Іоаннъ Грозный далъ игумену Печенгскаго монастыря, Гурію, грамоту, которою жалуетъ братію морскими губами: Мотовской, Лицкой, Урской, Пазой и Нявдемской. Въ 1826 году была утверждена конвенція, и Россія потеряла до 800 квадратныхъ верстъ, и въ эту площадь вошли

Паза и Нявдема. Не такъ важны губы, какъ берегъ отъ рѣки Ворьсмы до Пазы: онъ самый лучшій промысловой; его долго будутъ помнить наши рыбаки—поморы. Наконецъ, обрѣтали на этомъ берегу остатки православныхъ крестовъ. Отсюда ясно, что здѣсь промышляли русскіе на своей землѣ и водружали, по обыкновенію, на пустынныхъ мѣстахъ кресты.

Въ дальнѣйшей бесѣдѣ отецъ Константинъ сообщилъ мнѣ относительно границъ любопытный разсказъ, который хотя и кажется анекдотичнымъ, но тѣмъ не менѣе его выдаютъ за фактъ. Норвержцы, будто бы, желая завладѣть промысловымъ берегомъ, посулили русскому чиновнику мѣшечекъ червонцевъ, если онъ устроитъ имъ это дѣло. Чиновникъ соблазнился предлагаемой данью и сдѣлалъ такъ, какъ угодно было норвежцамъ, причемъ, чтобы православная церковь не очутилась на норвежской землѣ, выдѣлилъ для нея указанную полоску. Такой гнусный поступокъ былъ наказанъ смертью. Подъ верхнимъ слоемъ золота оказались обыкновенныя мѣдныя монеты. Предатель пришелъ въ бѣшенство и тутъ же повѣсился. Послѣ я отъ многихъ слышалъ этотъ разсказъ съ заключительными словами: «туда ему и дорога, Іудѣ».

Затѣмъ я побывалъ въ обѣихъ церквахъ. Древняя представляетъ собою развалившуюся деревянную избу. Церковная утварь въ ней ветхая и относится къ отдаленнымъ временамъ. Видѣлъ, напримѣръ: деревянный подсвѣчникъ для свѣчи, съ которою ходитъ при служеніи діаконъ; смотрѣлъ священическое облаченіе, вышитое одноглавыми и двуглавыми орлами. Эти орлы, какъ объяснилъ батюшка, обозначаютъ переходное состояніе въ эпоху царя Грознаго, которымъ облаченіе и было прислано въ даръ храму. Надъ райскими вратами и по бокамъ висятъ желѣзные подсвѣчники. Въ иконостасѣ, между прочимъ, останавливаютъ на себѣ вниманіе: по древности— образъ Іоанна Богослова, съ надписью «Иванъ Богословъ», и по оригинальности живописи—образъ Богородицы, гдѣ Богоматерь изображена прядущею нитки. Призываетъ людей къ молитвѣ не колоколъ, а било—желѣзный полукругъ, на подобіе шины. Новая церковь заложена лишь въ 1870 году, въ бытность великаго князя Алексѣя Александровича, отъ котораго имѣются въ храмѣ пожертвованные образа.

Поблагодаривъ отца Константина за радушный пріемъ, я отправился изъ губы Пазы въ норвежскіе города Вадзэ и Вардэ.

Эти города имѣютъ одну и ту же физіономію: изрѣзаны гладкими каменными дорогами; дома исключительно деревянные, всевозможныхъ уродливыхъ формъ, покрыты большею частью, за дороговизною лѣса, дерномъ. Тѣ же въ нихъ санитарныя условія, отъ которыхъ можно прійти въ ужасъ. Вонь и смрадъ заявляютъ о себѣ еще въ то время, когда вы приближаетесь къ городу, въ особенности къ Вардэ, который отъ китобойныхъ заводовъ буквально про-

питанъ запахомъ жира. На берегу вонь ударяетъ васъ точно палкой по носу, вызываетъ тошноту и одурѣніе. Да, и не мудрено, если, при раздѣлкѣ рыбы, головы и внутренности бросаются на берегу; тутъ же сваливаются и отбросы отъ перегона трескового жира. Все это разлагается на солнцѣ и распространяетъ убійственный, заразительный запахъ.

Городское населеніе показалось мнѣ угрюмымъ, несловоохотлитымъ; смотритъ на русскихъ какъ-то подозрительно. Можетъ быть, за краткимъ пребываніемъ, въ этомъ опредѣленіи я ошибаюсь, но во всякомъ случаѣ послѣднее въ норвежцахъ рѣзко выдѣляется. 2-го августа, я былъ уже въ Колѣ, самомъ сѣверномъ уѣздномъ городкѣ, оставшемся нынѣ «за штатомъ». Онъ стоитъ на мыскѣ, между рѣками Туломой и Колой, и смотритъ въ Кольскую губу. Кола именуется городомъ, конечно, вслѣдствіе присвоенной ей администраціи, а во всѣхъ другихъ отношеніяхъ она просто-на-просто поморское село съ сотнею дворовъ и пятью сотнями душъ обоего пола. Улицъ нѣтъ, дома старые, кривые, въ безпорядкѣ разбросаны. Среди города стоитъ каменный храмъ во имя Благовѣщенія.

Лѣтомъ коляне занимаются рыбными промыслами, и мужчины поголовно уходятъ въ море; остаются только женщины да чиновники мѣстныхъ учрежденій. Зимою коляне бездѣйствуютъ—нѣтъ ни работъ, ни промысловъ, и они проживаютъ то, что заработали лѣтомъ. Торговля сосредоточена въ рукахъ 2—3 лавочниковъ и, какъ мнѣ передавали, негласныхъ торгашей, на которыхъ власть имущіе смотрятъ сквозь пальцы.

Я думалъ, что въ такомъ отдаленномъ уголкѣ живется скучно, но на самомъ дѣлѣ ошибся.

— У насъ очень весело,—говорила мнѣ одна колянка,—не замѣтишь, какъ время бѣжитъ. Особенно лѣтомъ привольно. Кругомъ сутки свѣтло; солнышко ни на минуту не закатывается, только лѣто короткое. Днемъ работаемъ по дому, а вечеромъ гуляемъ, пѣсни поемъ, катаемся и даже иногда, въ тихую погоду, выѣзжаемъ въ ближайшія колоніи. Зимою собираемся на вечера: кто въ карты играетъ, кто танцуетъ—бываетъ весело. Танцуемъ подъ пѣсни и подъ гитару, на которой у насъ отлично играетъ казначейскій чиновникъ.

Что кольскіе обыватели любятъ пѣсни, я самъ убѣдился. Когда пришлось порядочно ожидать отхода парохода, то мимо насъ по направленію отъ Колы къ взморью постоянно скользили лодки, переполненныя людьми, и съ каждой непремѣнно раздавалась какая нибудь русская удалая пѣсня.

Когда именно возникъ этотъ интересный городокъ дальняго сѣвера, ни въ какихъ лѣтописяхъ не найдено, но говорятъ и пишутъ, что основаніе Колы покрыто сѣдою стариной. Чуть ли не въ XIII столѣтіи пришли сюда новгородцы и стали заниматься въ губѣ

рыболовствомъ, построивъ на берегу вольный рыбацкій поселокъ, послужившій зачаткомъ нынѣшняго городка.

Кола за свое существованіе пережила много разныхъ преобразованій—гражданскихъ и военныхъ; подвергалась нападеніямъ шведовъ и норвежцевъ, была нерѣдко разграбляема непріятелемъ, сгорала дотла и все-таки снова воскресала.

Одновременно съ основаніемъ Колы начались и наши мурманскіе промыслы. Къ новгородскимъ выходцамъ присоединилось бѣломорское населеніе, и ловить въ губѣ стало тѣсно. Тогда поморы изъ губы подвинулись сначала на западъ, а потомъ на востокъ. Поэтому Кольская губа и раздѣлила Мурманскій берегъ на восточный и западный.

Не знаю, въ какихъ размѣрахъ существовалъ въ древности промыселъ, но нынѣ Мурманъ, по собраннымъ мною статистическимъ даннымъ, привлекъ изъ Кемскаго и Онежскаго уѣздовъ болѣе 4 тысячъ поморовъ, которые, выѣзжая изъ 18 становищъ, ловили на 1.000 судовъ. Пойманная рыба была погружена въ 155 судовъ и отправлена преимущественно на архангельскіе рынки. Количество ея выражалось въ 800 тысячъ пудовъ, изъ печенокъ отъ этой рыбы было вытоплено 40 тысячъ пудовъ жира. Весь рыбный продуктъ по цѣнамъ на мѣстахъ лова стоитъ болѣе 500 тысячъ рублей. Дѣла о колонизаціи Мурмана, хотя идутъ тихо, но все-таки лучше, нежели до 1868 г., когда былъ обнародованъ законъ о льготахъ для переселенцевъ на сѣверъ. Теперь на Мурманѣ считается 40 колоній съ 270 дворами. Производительная сила ихъ выражается въ 370 семейныхъ работникахъ и въ 240 наемныхъ. Всѣ колонисты имѣютъ для рыбныхъ промысловъ болѣе 200 судовъ. Для подспорья въ быту, колонисты содержатъ болѣе 3.000 штукъ скота, причемъ половина приходитсн на оленей.

Преобладающій элементъ въ Мурманскомъ краѣ—финляндцы, затѣмъ русскіе и норвежцы. Инородцы живутъ лучше, богаче; они давятъ русскихъ и ставятъ ихъ въ зависимость.

IV.

Изъ Колы я рѣшилъ переправиться чрезъ Лапландію къ Бѣлому морю. Обычныхъ дорогъ здѣсь нѣтъ. Зимою отъ с. Кандалакпи, лежащаго въ сѣверо-западномъ углу моря, до Колы тянется тропа, по которой бѣгаютъ олени, запряженные въ кережи-сани, безъ полозьевъ, на подобіе лодочки, нерѣдко обтянутые сверху парусиной. Лѣтомъ же переправа совершается на карбасахъ чрезъ озера и рѣки, но гдѣ встрѣчаются пороги, путникъ принужденъ дѣлать обходы, именуемые тайболами. Конечно, вся дорожная часть исполняется лопарями; они и оленями управляютъ, и на карбасахъ ѣздятъ, и

таскаютъ за спиною крошни съ багажемъ. Со мною шелъ телеграфный инженеръ г. М., и четыре лопаря несли наши скудные пожитки. Г. М. былъ мнѣ попутчикомъ на полъ-дороги, далѣе онъ долженъ былъ свернуть въ сторону къ рабочему стану, который велъ по Лапландіи телеграфную линію.

Сейчасъ же за городомъ намъ пришлось подниматься на высокую гору Соловаровку. Трудно было идти по извилинамъ и камнямъ. Съ горы открывался видъ на тундру и Кольскую губу, удаляющуюся къ океану. Я спросилъ лопарей, не знаютъ ли они, откуда эта гора получила названіе, не было ли здѣсь когда нибудь производства соли?

— Не слыхали, баринъ,—отвѣтилъ лопарь Семенъ.—Надо полагать, за то ее прозвали такъ, что солоно по ней подниматься.

Спустившись, мы подошли къ р. Колѣ, гдѣ встрѣтили урядника, какъ оказалось, занимавшаго здѣсь таможенный постъ.

— Какое же ему ввѣрено разстояніе для охраны?—спросилъ я своихъ проводниковъ.

Одинъ изъ лопарей махнулъ лѣвою рукою въ одну сторону, а правою въ другую и флегматично замѣтилъ:

— Сюда—до св. Носа, сюда—до Финляндіи.

— Мы уйдемъ дальше, и онъ уйдетъ въ Колу,—вставилъ другой.

Отсюда нашъ путь лежалъ по р. Колѣ, которая начинается внутри Лапландіи плесомъ и на своемъ протяженіи дѣлаетъ нѣсколько такихъ плесовъ, именуемыхъ мѣстнымъ населеніемъ озерами. Изъ главныхъ, по величинѣ, считаются: Мурдозеро, Пулозеро, Колозеро. Плесы занимаютъ пространство 10—20 верстъ; они неглубоки, берега частью каменистые, частью песчаные, съ тощею растительностью.

Какъ ни пустынны и бѣдны природою эти озера, но для населенія они имѣютъ промышленное значеніе; въ нихъ лопари ловятъ кумжу, форелей, щукъ, сиговъ и пр.

Мѣстами р. Кола завалена порогами, поэтому ихъ приходилось обходить тайболами. По тайболамъ обыкновенно вела узкая тропа, извиваясь по болотамъ и торфяникамъ, а если гдѣ и попадался лѣсокъ, то низкій, тщедушный, корявый.

Наши спутники сами по себѣ больше молчали, даже на вопросы отвѣчали кратко и лѣниво. Лопари—народъ вообще несловоохотливый, да и заняты они были своимъ дѣломъ крѣпко: на карбасѣ сильно работали веслами, а по тайболамъ не отставали отъ насъ, обливаясь потомъ подъ крошнями. Только одинъ Семенъ оказался какъ-то развязнѣе своихъ земляковъ.

— Прибыльное это озеро,—сказалъ онъ послѣ суточнаго путешествія, когда мы ѣхали по Пулозеру.

— Должно быть, рыбоводное?

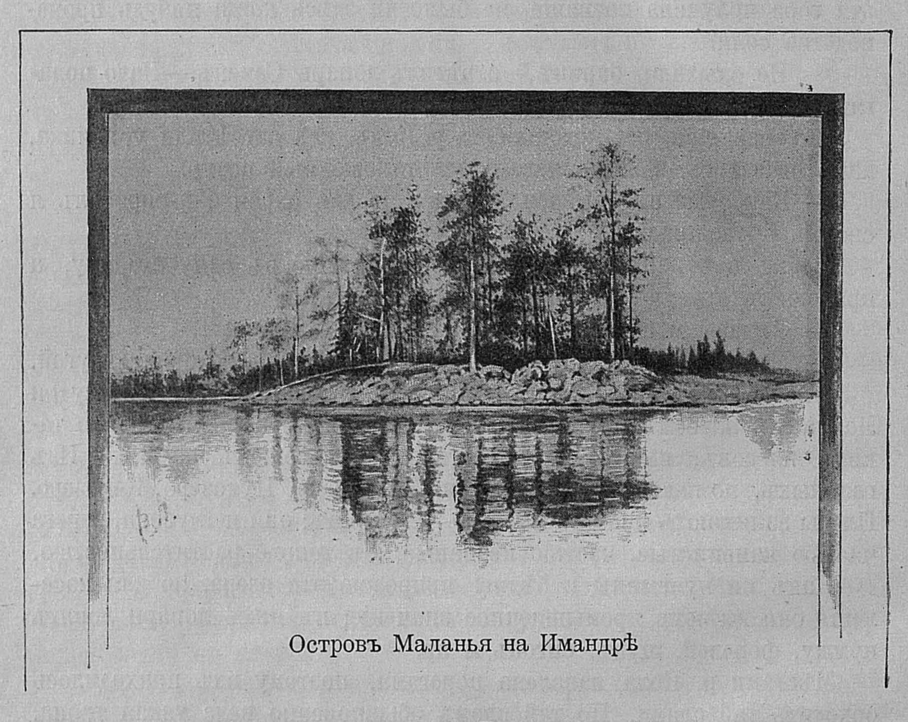
— Рыба особь статья,—отвѣчалъ онъ,—а есть еще промыселъ. Въ Пулозеро течетъ рѣчка, махонькая, безъ всякаго прозвища. Въ

ней лопари промышляютъ жемчужную раковину. Бѣда, что цѣны жемчугу не знаютъ.

— Кому же сбывается онъ?

— А пріѣзжаютъ сюда издалека покупатели; они что дадутъ, то и ладно. Другое дѣло—кандалакшскіе ловцы; они продаютъ въ Архангельскъ, а лопарь не полѣзетъ; онъ несмѣлый, темный, дальше своей земли лопской никуда не ступитъ.

Въ концѣ Пулозера г. М. предложилъ мнѣ посмотрѣть строящійся здѣсь телеграфный домъ, гдѣ будетъ жить чиновникъ и кон-

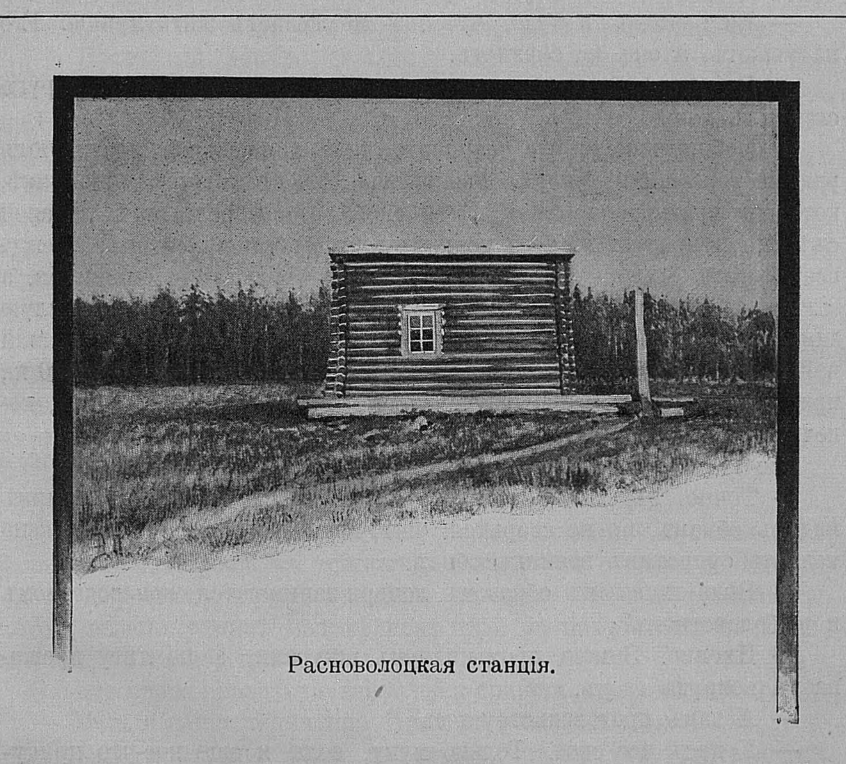


Островъ Маланья на Имандрѣ

тролировать извѣстный участокъ. Въ домѣ складывались печи и вставлялись рамы. Г. М. сообщилъ, что пройдетъ мѣсяцъ, и домъ будетъ совсѣмъ готовъ, поспѣетъ какъ разъ къ тому времени, когда откроется передача депешъ отъ Кандалакши до Колы. Чѣмъ-то страннымъ казалось это сооруженіе, украсившее берега безлюднаго, пустыннаго озера, но въ то же время оставалось пріятное впечатлѣніе, что свѣтъ культуры сталъ проникать и въ нашу Лапландію.

На Колозерѣ мы привалили къ Мисельскому погосту, но тамъ никого не было. Всѣ лопари разбрелись по озерамъ для рыболовства. Они живутъ на берегахъ все лѣто во временныхъ жилищахъ—вежахъ, сложенныхъ конусообразно изъ кольевъ и покрытыхъ мхомъ. Полъ вежи устилается оленьими шкурами, а вверху оставляется отверстіе для дыма.

Въ погостѣ стоятъ черныя убогія тупы — постоянныя жилища лопарей. Размѣромъ тупа въ $1^{1}/_{2}$—2 саж.; стѣны срублены изъ тонкихъ бревенъ; потолокъ въ большинствѣ случаевъ не подъ крышей, а обложенъ дерномъ. Въ стѣнахъ врѣзаны 1—2 конца и маленькая дверь, въ которую лопарь не входитъ, а лѣзетъ на-четверенькахъ. Внутри, въ углу стоитъ камелокъ (печь), сложенный изъ дикаго камня. Онъ поднимается до самаго потолка и трубы не имѣетъ, а, вмѣсто нея, сіяетъ черная дыра, чрезъ которую изъ тупы видно небо. Лицевая сторона совершенно открыта и даетъ возможность



Расноволоцкая станція.

ставить дрова дыбомъ—словомъ, лопарскій камелокъ отнюдь не походитъ на русскую печь, а скорѣе напоминаетъ каминъ. У одной стѣны нары, а вдоль другихъ—тянутся скамьи. Въ тупѣ 1—2 стола. У стѣнъ прибиты полки, гдѣ хранится глиняная посуда. Вообще внутренность тупы соотвѣтствуетъ внѣшности и носитъ печать неряшливости и неопрятности лопарей.

Отличительный характеръ лопарскихъ погостовъ заключается въ томъ, что тупы въ нихъ разбросаны и ютятся въ ложбинахъ, дабы не очень донимала обитателей ихъ снѣжная пурга.

— Живутъ же такъ люди и довольны своей судьбой,—сказалъ я, идя съ проводникомъ по погосту.

— А чего жъ не жить, — отозвался все тотъ же Семенъ. — Лопинъ здѣсь родится, здѣсь и умираетъ. Да для насъ ничего нѣтъ краше тундры да олешковъ. Проѣхать зимою по тундрѣ куда какъ пріятно: самому въ совичкѣ тепло, а вкругъ морозно, вьюжно. Опять же съ холоду въ тупу ввалиться, да поспѣть къ вяленой оленчанѣ—вѣдь это праздникъ лопину.—Слова эти Семенъ сказалъ съ какимъ-то особеннымъ восторгомъ.

— Все такъ, да пустынно, дико, непроходимая тьма въ народѣ.

— А лопину не надо болѣ, что есть. Живетъ онъ не хуже своихъ отцовъ—и ладно. Куда ему еще...

— Вотъ это-то и худо, что онъ не желаетъ жить лучше. Его надуваютъ, а онъ не смекнетъ.

— Вы развѣ баринъ знаете, какъ насъ обманываютъ?—вдругъ спросилъ меня Семенъ.

Я сообщилъ ему, что слышалъ, какъ лопарей эксплоатируютъ разные торгаши и кулаки. Разсказалъ объ отставномъ чиновникѣ, который проживаетъ въ Колѣ и снабжаетъ масельскихъ лопарей съѣстными продуктами безъ всякихъ торговыхъ документовъ. Прежде всего этотъ чиновникъ лопаря угоститъ водкой до опьяненія, а затѣмъ обсчитываетъ, обмѣриваетъ, обвѣшиваетъ его. Въ прошлую зиму чиновникъ-кулакъ ставилъ въ кредитъ лопарямъ капорскій чай 80 коп. за фунтъ, соль по 50 к. за пудъ, куль муки 9 р. 20 к., причемъ угощеніе записывалось также на счетъ лопарямъ и, конечно, не безъ барышей.

Все это лопари выслушали съ большимъ вниманіемъ.

— Точно, это самое бываетъ, — подтвердилъ Семенъ.—Лопинъ видитъ обманъ, но не ссорится; ужъ, видно, ему отъ Бога положено молчать супротивъ всякихъ обидъ.

— Вѣдь главнымъ образомъ лопари занимаются оленеводствомъ и рыболовствомъ?

— Именно. Зимою промышляемъ шкурами, а по лѣту проживаемъ вокругъ озеръ.

— А какъ продовольствуетесь?

— У насъ все свое. Только муку, соль и еще кое-что прикупаемъ, когда продадимъ свой товаръ.

Лопари — народъ полудикій, полукочующій; онъ не имѣетъ понятія о значеніи памятниковъ, поэтому и не оставляетъ ихъ. Спеціалисты дѣлали попытки составить точную исторію Лапландіи, но напрасно. Впрочемъ, она составлена при наличности отрывочныхъ свѣдѣній, да и то заимствованныхъ отъ народовъ Даніи, Швеціи и Норвегіи.

Съ сожалѣніемъ я удивлялся, какъ это до сего времени не проникнетъ въ Лапландію народный культъ.

— Здѣсь, мнѣ кажется, — говорилъ я,—можно завести хотя небольшое хозяйство, заняться новыми промыслами. Думается, что

содержаніе молочнаго скота, лѣсные промыслы, ископаемые продукты возможны—отчего бы не попробовать лопарямъ.

— А знаете что!—какъ бы озаренный какою-то мыслью, воскликнулъ г. М. — Сама по себѣ культура — вещь прекрасная, но она вредна для Лапландіи.

— Это почему же?

— Лопарь смирный, кроткій, честный, а появись въ его странѣ культура и, повѣрьте, чрезъ десятокъ лѣтъ нашего лопаря не узнаешь; къ нему привьется всякая гадость, народятся разные порочные элементы.

— Однако и теперь они есть, но народъ не развращается.

— Настоящій лопарь дальше своей Лапландіи шагу не сдѣлаетъ, а тогда, въ силу культурныхъ операцій, онъ пойдетъ за предѣлы родины и принесетъ самъ домой немало соблазна.

Далѣе вдаваться въ детали этого вопроса я не могъ, такъ какъ подробно не изучалъ этого народа, и потому уклонился отъ дальнѣйшаго разговора. Я только думалъ одно, что лопари — совсѣмъ забытый народъ въ Россіи и достойный всякаго сожалѣнія, тѣмъ болѣе, что у него сохранилось рѣдкое по нынѣшнимъ временамъ качество—это честность.

За Колозеромъ мы переходили съ $^1/_2$ версты водораздѣлъ лапландскихъ водъ и поѣхали озеромъ Пермесомъ, отъ котораго воды изливаются въ Бѣлое море. Съ Пермеса показались вдали горы, время отъ времени окутываемыя группами свѣтлыхъ и темныхъ облаковъ.

— Кажется, близокъ и хребетъ Хибинскихъ горъ.

— Ну, не скажите, баринъ,—заговорилъ Семенъ.—Лопская мѣстность нами измѣрена въ точности; скажу, что отсюда до Хибинъ будетъ хорошихъ 40 верстъ. Онѣ на глазъ такъ показываются, потому высота у нихъ непомѣрная; вѣдь на нихъ снѣгъ не таетъ, почитай, съ сотворенія міра.

Затѣмъ снова проходили тайболой и пришли къ громадному озеру.

— Вотъ и наша кормилица Имандра,—сказалъ одинъ изъ лопарей, когда послѣдніе сѣли на берегу, чтобы освободиться отъ крошней.

— Она васъ кормитъ?

— А какъ же! Много кормитъ. Настанетъ лѣто, сколько лопари выловятъ въ ней рыбы—и для себя, и для промысла, а вѣдь насъ въ Лопской землѣ, почитай, двѣ тысячи.

Въ началѣ пути по Имандрѣ мы остановились на Расноволоцкой земской станціи. Подобныхъ станцій, кромѣ указанной, считается по дорогѣ отъ с. Кандалакши до г. Колы четыре: Зашеечная, Экостровская, Масельская и Кицкая. Станціи сдаются съ торговъ отъ Архангельскаго комитета за 200 — 300 р. въ годъ. Арендаторами обыкновенно являются зажиточные крестьяне изъ поморья и коль-

скіе мѣщане, но сами они избѣгаютъ натуральнаго обязательства, а подряжаютъ частнымъ образомъ лопарей за 40—50 р., которые, какъ уже сказано, и возятъ проѣзжающихъ, давая на каждаго зимою двухъ оленей, а лѣтомъ, вмѣсто одного оленя, двухъ провожатыхъ.

Въ Расноволокѣ весною стекается весь «покручный» людъ, идущій съ родины на мурманскіе промыслы, поэтому здѣсь устроены три казармы и церковь. Изъ Расноволока поморы расходятся въ стороны. Одни идутъ на Ловозерскій погостъ и развѣтвляются по становищамъ восточнаго берега, а другіе тянутся на Колу и попадаютъ на западный берегъ. Во время движенія на промыслы въ Расноволокѣ можно видѣть и хозяевъ, снабжающихъ покручниковъ деньгами на дальнѣйшій путь, и полицейскихъ чиновъ, записывающихъ рабочій людъ; здѣсь поморы мѣняютъ оленей, закупаютъ провизію, рядятся съ лопарями, словомъ, Расноволокъ тогда оживляется, суетится, шумитъ. Въ Лапландіи поморы проходятъ большія пространства, не приваливая къ жилымъ помѣщеніямъ, ибо ихъ на пути имѣется крайне недостаточно. На этихъ пространствахъ лопари сворачиваютъ оленей въ лѣсъ для кормежки, и тогда поморы должны ночевать подъ открытымъ небомъ, въ стужѣ, на снѣгу. Въ Расноволокѣ скучивается иногда до 900 человѣкъ въ день, и казармы не могутъ вмѣстить такого числа, поэтому несчастные набиваются на нары сверхъ нормы и даже валяются на полу, плотно прижавшись другъ къ другу. Во всякомъ случаѣ лучше спать въ тѣснотѣ и теплѣ, чѣмъ на свободѣ, да въ холодѣ.

Казарма—бревенчатая изба съ тесовою крышей; длиною 5 саж., шириною — 3 саж. и вышиною — 2 саж. Внутри кругомъ въ два яруса нары, шириною въ $2^3/_4$ арш. Среди наръ — печь до самаго потолка одинаковой съ нарами ширины.

Послѣ Расноволока вскорѣ потянулись по лѣвому берегу Хибинскія горы, отражаясь на безоблачномъ небѣ всевозможными формами. На вершинахъ ихъ брильянтами блестѣлъ вѣчный снѣгъ и придавалъ горному хребту чудный видъ. Чрезъ 2 — 3 часа пути Хибины стали понемногу теряться, удаляясь внутрь материка.

Подъѣзжая къ Экостровской станціи, мы миновали живописный островокъ, берега котораго какъ бы нарочно вымощены камнями, а на верху растутъ красивыя ели. Среди растительности мелькали деревянные кресты, напоминающіе кладбище. Это былъ островъ Маланья, гдѣ дѣйствительно лопари погребаютъ покойниковъ.

На Экостровской станціи мы ночевали. Я опишу ее вообще, какъ образецъ. Экостровская станція представляетъ какую-то конуру. Всюду щели; дуетъ постоянный сквознякъ, такъ что отдыхать и спать даже лѣтомъ невозможно. Крыша развалилась, потеряла наклонность и настолько одырявилась, что во время дождя съ потолка льются цѣлые потоки. Внутри все переломано, сгнило,

состарилось и загрязнилось до омерзѣнія. Воображаю, что происходитъ здѣсь зимою. Тогда, по словамъ лопарей, быть въ такой избѣ— все равно, что чувствовать себя подъ открытымъ небомъ. Насъ страшно клонило ко сну, и мы, не взирая на убожество избы, расположились спать. Подъ утро, когда стало холоднѣе, свѣжій вѣтеръ гулялъ по избѣ и нѣсколько разъ заставлялъ меня перемѣнять ложе, такъ что въ концѣ концовъ я очутился въ печкѣ.

Отдохнувъ съ грѣхомъ пополамъ на этой станціи, мы разстались съ г. М., и я поѣхалъ дальше. По дорогѣ я завернулъ къ

Поморская казарма.

другому и послѣднему поморскому пункту. Въ этомъ пунктѣ одна казарма, при которой живетъ сторожъ Миронъ. Онъ разсказывалъ мнѣ, какъ ночуютъ въ этой казармѣ поморы.

— Перебываетъ ихъ болѣе трехъ сотенъ. Я считалъ три года и бросилъ—надоѣло. Кладь и провизію оставляютъ на снѣгу, а сами набьются въ казарму стоймя и, Богъ вѣдаетъ, какъ они тамъ ложатся. Иной разъ не войдутъ всѣ и ночуютъ на холоду въ парусинныхъ балаганахъ. У казармы разводятъ костры, варятъ рыбу, а больше согрѣваютъ чайники и пьютъ чай, потому дешевле и тѣлу теплѣй.

Отъ казармы оставалось проѣхать до Зашеечной станціи, которою и оканчивался путь по Имандрѣ. Насколько я замѣтилъ, озеро

Имандра длинное, узкое; берега отлогіе, каменистые, покрыты мелкимъ лѣсомъ. Оно изобилуетъ небольшими губами и островами, такъ что надо имѣть опытнаго лопаря-кормчаго, чтобы не заблудиться въ заливахъ и среди водныхъ кургановъ.

Въ общемъ кормилица лопскаго народа произвела на меня пріятное впечатлѣніе, и это зависѣло, конечно, отъ сравнительно тихой погоды, державшейся все время перехода. Но я слышалъ, что Имандра озеро злое, постоянно бурное, и плаваніе по немъ очень опасно. Въ штормы путникъ спасается на берегу и живетъ тамъ подъ судномъ цѣлыми недѣлями.

Отъ Имандры до с. Кандалакши надо пробираться частью пѣшкомъ, частью озеромъ Пинозеромъ и р. Нивой. Въ началѣ рѣки мѣстами попадаются пороги и настолько сильные, что вода въ нихъ кипитъ точно въ котлѣ, оглашая окрестности страшнымъ шумомъ Въ концѣ же, за 12 верстъ до села, по берегамъ тянутся высокія Кандалакшскія горы, а внизу лежитъ сплошной порогъ: вода бѣжитъ по камнямъ, перекатывается чрезъ нихъ бѣлыми гребнями, неистово рвется и мечется. Гребни сливаются и заволакиваютъ рѣку бѣлымъ покровомъ.

Такимъ образомъ, Ледовитый океанъ соединяется съ Бѣлымъ моремъ чрезъ Лапландію внутреннею водною системою, къ сожалѣнію, недоступною для плаванія судовъ. Вся система тянется слишкомъ 200 верстъ, изъ коихъ въ общемъ на долю каменистыхъ заваловъ приходится 60 верстъ. Все-таки и черезъ эти завалы иной разъ пробираются маленькія лодки, управляемыя, конечно, ловкими и опытными сынами Лапландіи.

V.

Изъ Кандалакши я поѣхалъ Бѣлымъ моремъ. Довольно странные установлены здѣсь рейсы. Чтобы попасть изъ указаннаго села въ г. Кемь, приходится побывать во всѣхъ селеніяхъ Кандалакшскаго залива, съѣздить на терскій берегъ и оттуда уже вернуться къ назначенному мѣсту. Желая попасть въ Кемь, я такъ и катался на пароходѣ «Королева Ольга Константиновна». Въ заливѣ насъ застигъ сильный штормъ. Всѣхъ страшно укачало, всѣ лежали больными. Близъ с. Керети подвернулась другая бѣда: палъ туманъ. Пароходъ посвистывая пошелъ тихимъ ходомъ.

Когда мы были у терскаго берега, погода стихла. Пассажиры выходили на палубу съ веселыми лицами; доносился чей-то басъ, кто-то сѣлъ за піанино—словомъ, все замѣтно оживилось. Въ нѣкоторыхъ терскихъ селеніяхъ пароходъ бралъ на бортъ крестьянъ, которые говорили о перенесенномъ нами штормѣ, какъ объ одномъ изъ немногихъ. «Погодишка была горазно изморная, буря стояла знатная»...—сообщали новые пассажиры. Близъ Соловецкихъ острововъ показался маякъ. Но что это за маякъ? Онъ такъ былъ слѣпъ, что мы его увидали позже, чѣмъ берега острововъ. Содержитъ маякъ ди-

рекція лоціи, а управляютъ имъ соловецкіе монахи. Вообще Бѣлое море далеко не можетъ похвастаться маяками, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніяхъ.

Вскорѣ увидали Соловецкую обитель, замѣчательную своимъ образцовымъ хозяйствомъ и обособленною жизнью. Сначала обрисовывались скиты на горахъ Сѣкирной и Голгоѳѣ, потомъ открылся видъ и самаго монастыря, съ многочисленными главами, обнесеннаго каменною древнею стѣною. Этотъ монастырь привлекаетъ массу богомольцевъ со всѣхъ концовъ Россіи; его многіе знаютъ лично и по описаніямъ.

За островами вниманіе всѣхъ было обращено на англійскій пароходъ «Фламборо», сѣвшій два мѣсяца назадъ на банку. Пароходъ отъ насъ находился такъ далеко, что замѣтенъ былъ небольшой чертой. Я глядѣлъ въ бинокль, и казалось, что онъ сидѣлъ высоко, нѣсколько покачнувшись на бокъ. О печальной исторіи съ пароходомъ среди пассажировъ разсказывалъ какой-то норвежецъ.

— Этотъ пароходъ шелъ съ лѣсомъ изъ Кеми въ Англію,—говорилъ норвежецъ.—Онъ бѣжалъ полнымъ ходомъ и налетѣлъ на банку съ такою силой, что три парохода стаскивали, проволочный тросъ лопался, и то не могли тронуть съ мѣста. А потерпѣлъ онъ аварію по винѣ морской русской карты. На ней въ 4 миляхъ отъ Соловецкихъ острововъ обозначена банка, вотъ пароходъ и держался курса въ 8 миляхъ, а тамъ какъ разъ лежитъ такая же банка. «Англичанинъ» вѣдь несется, какъ угорѣлый и въ туманѣ, и въ штормъ; бѣжитъ сломя голову и никому не свищетъ, ну, и налетѣлъ всѣмъ корпусомъ.

— На картѣ не обозначена банка, такъ вѣху должны поставить,—замѣтилъ кто-то.

— Раньше ставили и нынѣ пріѣзжали, но опоздали. Пріѣхали, увидѣли пароходъ, да, смѣясь, и говорятъ: «напрасно мы безпокоились, тутъ уже вѣха стоитъ здоровая». Недавно другой пароходъ «Вествудъ» сѣлъ близъ с. Ковды тоже на банку, не показанную на картѣ. Ужасная небрежность.

Прибывъ въ г. Кемь, я перебрался на пароходѣ «Великая Княгиня Ксенія» и отправился въ Сумскій посадъ, гдѣ намѣренъ былъ оставить морскія воды и ѣхать на лошадяхъ въ г. Повѣнецъ. Среди новыхъ пассажировъ я, между прочимъ, встрѣтилъ двухъ студентовъ изъ Петербурга, которые, крайне интересуясь солнечнымъ затменіемъ, были на Новой Землѣ.

— Удачно наблюдали?—спросилъ я ихъ.

— Къ счастію, да,—отвѣтилъ одинъ изъ студентовъ.—Правда, надежды были почти потеряны, такъ какъ все время небо бороздили непроницаемыя облака, но за два какихъ нибудь часа вдругъ стало ясно.

— Много вынесли полезнаго?

— Какъ вамъ сказать... ожидали больше, чѣмъ получили. Были, видите ли, среди новоземельныхъ экспедицій профессора, отъ которыхъ мы думали почерпнуть не мало новаго, но жестоко ошиблись. Дорогою почтенные ученые разсказывали анекдоты, а на берегу постоянно переругивались.

Затѣмъ студенты передали мнѣ интересный фактъ, какъ пароходъ «Ломоносовъ», на которомъ они ѣхали, при входѣ въ заливъ Малыя Кармакулы, потерялъ правый винтъ. Впереди «Ломоносова» шелъ военный транспортъ «Самоѣдъ», имѣвшій въ авангардѣ паровой катеръ. Послѣдній дѣлалъ промѣры и нашелъ банку, о чемъ сообщилъ «Самоѣду», который моментально далъ задній ходъ и вошелъ въ бухту, не сдѣлавъ никакого сигнала. «Ломоносовъ», шедшій сзади и не оповѣщенный объ угрожавшей опасности, налетѣлъ на подводный камень. Когда пароходъ миновалъ банку, отдѣлавшись сравнительно легкою аваріей, то съ «Самоѣда» вдругъ раздался салютъ, привѣтствовавшій какъ бы храбрость «Ломоносова». Объ этомъ членъ экспедиціи Казанскаго университета, г. Б., составилъ актъ; пассажиры подписали его и просили капитана г. Постникова непремѣнно дать акту законный ходъ.

Сумскій посадъ—одинъ изъ зажиточныхъ населенныхъ пунктовъ—раскинулся на р. Сумѣ, въ 5—6 верстахъ отъ моря. Въ немъ болѣе полуторы тысячи жителей. Мужское населеніе занимается рыболовствомъ, а женское прекрасно вяжетъ кружева и выпиваетъ узоры на бѣльѣ. Посадскіе богачи вербуютъ «покрутчиковъ» и ведутъ на Мурманѣ тресковый промыселъ. Есть также судохозяева, которые занимаются мѣновою торговлей въ Норвегіи. По дорогѣ отъ Сумы до Повѣнца безпрестанно попадаются горы; по сторонамъ чередуются луга, пашни и чаще участки нашихъ сѣверныхъ дремучихъ лѣсовъ. Между прочимъ, ѣхали и на паромѣ чрезъ р. Выгъ. Здѣсь на берегу стоитъ село Петровскій Ямъ, названное такъ въ память о стоянкѣ Петра I, во время путешествія по сѣверу. Паромщики разсказывали, какъ неподалеку ходитъ медвѣдь, который успѣлъ уже на глазахъ мужиковъ унести жеребенка.

— И кричитъ Потапычъ на разные голоса,—пояснилъ одинъ изъ мужиковъ.

— А именно?

— Погагарски, пожеребячьи. Иной разъ засвиститъ, какъ полицейскій, и на послѣдокъ съ трескомъ. Одного жеребенка доѣдаетъ, а теперь присматриваетъ другого.

— Вы бы убили его.

— Гдѣ-жъ его убить, коли онъ ходитъ ночью. Нашли крестьяне половину жеребенка, насторожили четыре ружья, да пришла лисица и стравила ружья, а въ самое пуля не попала.

— А днемъ такъ-таки и не дастъ знать о себѣ?

— Бываетъ. Днемъ почнетъ щелкать въ когти, словно косточ-

ками, сначала рѣдко, а потомъ въ частую, или заржетъ, какъ жеребенокъ, чтобы матку выманить. Хитроумный, бестія!

Изъ с. Ямъ меня повезъ ямщикъ, совершенно безусый, съ юношескимъ лицомъ, просто мальчикъ, но, несмотря на это, онъ былъ уже два года женатъ.

Заинтересовавшись имъ, я сталъ его разспрашивать.

— Зовутъ меня Власомъ,—началъ онъ.—Самъ я не сваталъ, а сватами были отецъ и зять. Перво-на-перво засватали по сосѣдству въ деревнѣ—дѣло не выгорѣло. Дѣвка ранѣ манила, а потомъ отказала. Батька нашелъ другую. Я говорю: рано мнѣ жениться, дайте годъ погулять или послѣ солдатчины. А отецъ мнѣ—мать при смерти, самъ я старикъ, работниковъ нѣтъ, женись, или уходи прочь. Чтожъ думаю, эта дѣвка согласна будетъ, хотя я съ ней и не игралъ, только слово подкати—и готово. Обмыслилъ, да и рѣшилъ жениться. Начали облаживать свадьбу о великомъ мясоѣдѣ; мнѣ въ ту пору не хватало до 18 лѣтъ. Батюшка не въ согласіи былъ вѣнчать; говорилъ, бумаги выправи, прошеніе подай. Тутъ отецъ, замѣстъ обыкновенныхъ 3 р., совъ попу двѣ красненькихъ,—ну, и повѣнчали.

— А въ приданое взялъ деньги?

— У насъ этого не полагается.

— Такъ что же дали?

— Моя баба изъ бѣдныхъ, потому и пошла безъ прекословья. Маленько-то дали: привели корову, пару овецъ, платьице тамъ какое есть.

— Сколько твоей женѣ лѣтъ?

— Она выходила по началу семнадцати.

Лѣсистость проѣзжаемой мною мѣстности даетъ населенію хорошіе лѣсные заработки, а также пріучила крестьянъ къ охотничьимъ промысламъ. Въ каждой деревнѣ можно видѣть собакъ желтой масти, съ короткими торчащими ушами. Собаки идутъ на птицъ: мошняка, каплана, тетерку; на звѣрей: медвѣдя, лисицу, бѣлку, куницу. Стрѣляютъ крестьяне изъ своихъ винтовокъ мѣтко, почти безъ промаха даже на птицу пускаютъ не дробь, а пулю.

Обращая вниманіе на хлѣбныя поля, я убѣдился, что многіе крестьяне ведутъ подсѣчное хозяйство: рубятъ лѣсъ, сжигаютъ его и этимъ удобряютъ землю.

Изъ Повѣнца—этого небольшого чистенькаго городка—я поѣхалъ по Онежскому озеру въ г. Петрозаводскъ. Путь лежалъ среди малыхъ острововъ, покрытыхъ травою, а больше кустарникомъ. Пароходъ заходилъ въ заливы, къ селеніямъ. Много садилось крестьянъ, грузился скотъ. Въ концѣ концовъ пассажировъ набилось, какъ сельдей въ бочкѣ.

Въ Петрозаводскѣ я пересѣлъ на другой пароходъ и снова поѣхалъ Онежскимъ озеромъ. На первыхъ же порахъ мнѣ пришлось убѣдиться, что служащіе на пароходѣ, во главѣ съ капитаномъ г. Бекманомъ, грубы, невѣжественны и, вѣроятно, потому, что на немъ царитъ полнѣйшій произволъ.

Тотчасъ послѣ отхода я просилъ капитана предупредить меня насчетъ предстоящихъ свирскихъ пороговъ, а онъ отвѣтилъ:

— Мнѣ некогда.

— Но у васъ есть помощники.

— Вамъ офиціантъ скажетъ,—продолжалъ г. Бекманъ.

Между тѣмъ, когда мы отвалили, на пароходѣ взрывались ракеты, воспламенялись искристыя мельницы, солнца. Въ ушахъ отдавались выстрѣлы, искры падали на головы, публика приходила въ негодованіе. Я спросилъ одного изъ служащихъ.

— Что обозначаетъ этотъ фейерверкъ?

— Ничего особеннаго, просто капитанъ любитъ эти штуки, ну, и забавляется отъ нечего дѣлать.

— Слѣдовательно, у него много свободнаго времени?

— Сколько угодно. Здѣсь штурвалистъ хорошій капитанъ; за нимъ, какъ за каменной стѣной.

Если позволяется такая невѣжливость съ интеллигентными людьми, то надо представить себѣ, какъ обращается капитанъ-пиротехникъ съ пассажирами изъ рабочаго класса. Мнѣ говорили, пароходъ возьметъ грузъ больше нормы и въ свирскихъ порогахъ не можетъ идти. Тогда капитанъ приказываетъ «палубной» публикѣ выходить на берегъ. Рабочіе вылѣзаютъ на берегъ и шагаютъ десятки верстъ, часто на дождѣ, по грязи. Миновавъ порожистыя мѣста, капитанъ ждетъ, да на рабочихъ же и ругается, зачѣмъ они отстаютъ и задерживаютъ пароходъ.

Пріѣхали въ с. Вознесенье, куда стягиваются всѣ продукты Онежья и Заонежья. Здѣсь я любовался громадными судами о семи и болѣе парусахъ, со множествомъ рей. Суда напоминаютъ прежніе корабли, плававшіе въ русскихъ водахъ до примѣненія пара.

Плывя по р. Свири, конечно, нельзя не обратить вниманія на пороги, изъ которыхъ самыми большими считаются: Остреченскій, Медвѣдскій и Сиговецъ. Теченіе въ порогахъ чрезвычайно быстрое, фарватеръ узкій, постоянно заваливается камнями, потому на берегахъ все время не снимаются ворота, поднимающія съ пороговъ камни.

Свирь течетъ въ однообразныхъ луговыхъ берегахъ, къ устью становится извилистою и обрамленною ровнымъ сосновымъ лѣсомъ, какъ будто бы насажденнымъ искусственно. Рѣка крайне оживленная. Часто попадаются селенія и, повидимому, все зажиточныя. У береговъ встрѣчаются разбитыя суда съ грузомъ, около которыхъ копошится рабочій людъ, отливая воду и разгружая суда. Тамъ и сямъ работаютъ землечерпательныя машины. По всей рѣкѣ снуютъ одного типа буксирные пароходики, стучатъ винтами и пронзительно посвистываютъ встрѣчнымъ собратьямъ.

Далѣе путь лежалъ по Ладожскому озеру и р. Невѣ—путь довольно скучный и бѣдный природою. 20-го августа я пріѣхалъ въ Петербургъ.